2021 • Том 14 • № 1

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ *и* ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Ежеквартальный научный журнал

Основан в 2008 году

Главный редактор

С.Б. Малых

Редакционная коллегия

В.С. Воробьев, Е.В. Никульчев, Л.М. Никульникова, М. Тосто

Редакционный совет

С.Б. Малых (*председатель,* Москва),
Д.А. Гайсина (Брайтон, Великобритания), Э.В. Галажинский (Томск),
И.В. Дубровина (Москва), Ю.П. Зинченко (Москва), В.В. Знаков (Москва),
Ю. Ковас (Лондон, Великобритания), М.С. Ковязина (Москва),
М. Ким (Сеул, Южная Корея), Н.И. Леонов (Ижевск), В.И. Моросанова (Москва),
В.И. Панов (Москва), В.В. Рубцов (Москва), Т.Н. Тихомирова (Москва)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-25373 от 20 июля 2006 г.

www.tepjournal.ru

Заведующий редакцией
О.В. Коломбет

Адрес: 125009 Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4
Тел.: (495) 695-81-28
E-mail: pirao@list.ru, vorobyev095@yandex.ru

Учредитель:
Федеральное государственное научное учреждение
«Психологический институт» РАО
Адрес: 125009 Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4
Тел.: (495) 695-81-28. E-mail: pirao@list.ru

© Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Психологический институт» РАО, 2021

2021 • Vol. 14 • No 1

THEORETICAL *and* EXPERIMENTAL PSYCHOLOGY

Quarterly journal

Founded in 2008

Editor-in-chief

S.B. Malykh

Editorial team

V.S. Vorobyev, E.V. Nikulchev, L.M. Nikulnikova, M. Tosto

Editorial board

S.B. Malykh (*chairman,* Moscow),
D.A. Gaysina (Brighton, UK), E.V. Galazhinsky (Tomsk),
I.V. Dubrovina (Moscow), Y.P. Zinchenko (Moscow), V.V. Znakov (Moscow),
Y. Kovas (London, UK), M.S. Kovyazina (Moscow),
M. Kim (Seoul, South Korea), N.I. Leonov (Izhevsk), V.I. Morosanova (Moscow),
V.I. Panov (Moscow), V.V. Rubtsov (Moscow), T.N. Tikhomirova (Moscow)

The journal is registered by the Federal Service
Supervision of Legislation
in Mass Communications and Protection of Cultural Heritage.
Registration number of the PI No. FS77-25373 on July 20, 2006

www.tepjournal.ru

Head editorship
O.V. Kolombet
Address: 125009, 9-4 Mokhovaya str., Moscow
Tel.: (495) 695-81-28
E-mail: pirao@list.ru, vorobyev095@yandex.ru

Founder:
Federal State Scientific Institution
«Psychological institute» RAE
Address: 125009, 9-4 Mokhovaya str., Moscow
Tel.: (495) 695-81-28. E-mail: pirao@list.ru

© Federal State Budget Scientific Institution «Psychological institute» RAE, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
К читателям 5

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ
Временная и жизненная перспектива как мотивационный центр самоопределения в ранней юности: сравнительно-историческое исследование.
А.Д. Андреева, А.Г. Лисичкина, Л.А. Бримова 6

Гармонизация взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах.
О.В. Васильева 16

Жизнестойкость как компонент совладания с гелотофобией в образовательной среде.
Е.О. Зятькова 26

Формирование временнóй перспективы современных юношей и девушек.
Н.П. Шилова 34

Особенности диадических копинг-стратегий супругов в бездетных семьях.
Р.И. Каримова, И.А. Агеева 43

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
К анализу творчества английского психолога Фредерика Бартлетта.
В.С. Воробьев, Т.Б. Малых 53

Юбилейные и знаменательные даты 2021 года 61

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 63

CONTENTS

COLUMN OF THE EDITOR-IN-CHIEF
To readers 5

ORIGINAL ARTICLES
A time and life perspective as a motivational center of self-determination in early adolescence: a comparative historical study.
A.D. Andreeva, A.G. Lisichkina, L.A. Brimova 6
Harmonization of relationships between partners in young married couples.
O.V. Vasilieva 16
Hardiness as a component of coping with gelotophobia in the educational environment.
E.O. Zyatkova 26
Formation of the time perspective of modern boys and girls.
N.P. Shilova 34
Features of dyadic coping strategies of spouses in childless families.
R.I. Karimova, I.A. Ageeva 43

PAGES OF HISTORY
To the analysis of the work of the English psychologist Frederick Bartlett.
V.S. Vorobyev, T.B. Malykh 53
Anniversary and significant dates 2021 61

RULES FOR AUTHORS 63

К читателям

Первый номер 2021 года открывается работой Андреевой А.Д. с коллегами из ПИ РАО и лицея № 15 из г. Химки, в которой приведены результаты эмпирического изучения представлений о своем будущем учащихся раннего юношеского возраста. Установлено, что ориентация на будущее по-прежнему является ведущей психологической характеристикой изучаемого возрастного периода. В то же время современных молодых людей отличает выраженное позитивное отношение к своему настоящему, несвойственное их ровесникам советской поры.

В своей статье Васильева О.В. (Сибирский федеральный университет, Красноярск) представила результаты апробации программы гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах. Доказана эффективность этой программы, выявлены статистически значимые различия между контрольной и экспериментальной группами по уровню удовлетворенности браком, а также когнитивной, коммуникативной и поведенческой близости.

Исследование Зятьковой Е.О. из Национального исследовательского Томского государственного университета посвящено анализу проявления жизнестойкости у студентов и ее взаимосвязи с гелотофобией (боязнью насмешек) и стрессом в образовательной среде. Показано, что юноши оказались более устойчивыми к неблагоприятным ситуациям, чем девушки. Жизнестойкость в целом способствует снижению стрессовых проявлений и уменьшает риск возникновения страха насмешки в социально значимых ситуациях.

Шилова Н.П. (Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки) изучила динамику формирования временнóй перспективы в юношеском возрасте с применением метода незаконченных предложений Ж. Нюттена. Было найдено, что подростки, юноши и девушки рассматривают свое будущее с точки зрения социальной жизни, вписывая свое будущее в рамки социальных институтов, тогда как молодежь возраста молодости или возникновения взрослости уже строит свое будущее, соотнося его в целом с предстоящей жизнью и руководствуясь принципом «сегодня и ежедневно».

Каримова Р.И., Агеева И.А. (Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан) осуществили исследование взаимосвязи межсупружеских отношений и диадического копинга. Обнаружены отличия в степени удовлетворенности браком, качестве общения в семье, степени социально-психологической дистанции, преобладании / нехватки положительных чувств между супругами с разным типом диадического копинга.

В историческом разделе Воробьевым В.С. и Малых Т.Б. (ПИ РАО) проанализировано творчество выдающегося английского психолога Фредерика Бартлетта.

Главный редактор,
академик РАО
С.Б. Малых

УДК 159.9

ВРЕМЕННАЯ И ЖИЗНЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА КАК МОТИВАЦИОННЫЙ ЦЕНТР САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В РАННЕЙ ЮНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

А.Д. АНДРЕЕВА[1*], А.Г. ЛИСИЧКИНА[1], Л.А. БРИМОВА[2]

[1] ФГБНУ «Психологический институт» РАО, Москва;
[2] МБОУ Лицей №15, Московская область, г. Химки

В статье приведены результаты эмпирического изучения представлений о своем будущем учащихся раннего юношеского возраста. Показано, что ориентация на будущее по-прежнему является ведущей психологической характеристикой изучаемого возрастного периода. В то же время современных молодых людей отличает выраженное позитивное отношение к своему настоящему, несвойственное их ровесникам советской поры. Выдвинуто предположение, что баланс между устремленностью в будущее и ценностью настоящего (и даже прошлого) можно рассматривать как копинг-стратегию, помогающую преодолеть трудности юношеского самоопределения в условиях постиндустриальной цифровой экономики.

Ключевые слова: социальная ситуация развития, временная перспектива, самоопределение, внутренняя позиция взрослого, ранний юношеский возраст.

Введение

В соответствии с современной нормативной периодизацией возрастного развития ранний юношеский возраст (16–18 лет) находится на границе институциональной взрослости: по достижении совершеннолетия юноши и девушки обретают права и обязанности взрослого человека. Однако современное постиндустриальное общество может позволить им достаточно длинное детство, не лишая при этом права на полноценную гражданскую позицию. Сегодня в большинстве случаев молодые люди этого возраста – это учащиеся, психологически и социально не готовые к самостоятельной жизни. В этом плане они адекватны своей эпохе, не заинтересованной в раннем взрослении подрастающих поколений, вступлении их в трудовую жизнь, прежде чем они обретут знания и умения, необходимые для успешного функционирования в сложных и подвижных условиях цифровой экономики. Более того, стремительное развитие цифровых технологий заметно сужает рынок труда, снижает спрос на так называемые «рабочие руки» во многих традиционных областях занятости. Потенциально трудоспособные молодые люди, столь привлекательные для общественного производства полвека назад, сегодня оказываются в неопределенном статусе то ли взрослых детей, то ли молодых взрослых, наделенных мораторием на принятие взрослых обязательств.

В исследовании, проведенном нами ранее [2], было установлено, что такое амбивалентное отношение к периоду ранней юности присуще как взрослым, так и самим молодым людям. Взрослые субъективно воспринимают сегодняшнее детство как более длительное по сравнению с их собственным, хотя критериями наступления взрослости считают традиционные институциональные границы. Старшеклассники также

© Андреева А.Д., Лисичкина, А.Г. Бримова Л.А., 2021

* **Для корреспонденции:**
Андреева Алла Дамировна
канд. психол. наук, зав. лабораторией научных основ детской практической психологии ПИ РАО
E-mail: alladamirovna@yandex.ru

полагают, что взрослость наступает в интервале от 18 до 25 лет, но при этом не причисляют себя к детям. По-видимому, транзитивный характер социально-экономических процессов в современном обществе ведет к размыванию субъективных границ традиционных возрастных периодов.

Чем характеризуется временная и жизненная перспектива современных учащихся раннего юношеского возраста? Каковы их представления о самоопределении и достижении основных жизненных показателей взрослости?

Традиционно переход от подросткового к раннему юношескому возрасту связывают с началом личностного и профессионального самоопределения старшеклассников. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях [3, 5, 6, 7, 9, 14, 18] было показано, что в этот период устремленность в будущее становится основной направленностью личности, а в центре интересов и планов юношей оказывается проблема выбора профессии и дальнейшего жизненного пути. К. Левин говорил о том, что выбор профессии является первой идеальной целью, увеличивающей временную перспективу молодого человека: «вместо дней, недель и месяцев при постановке некоторых целей теперь учитываются годы» [7, с. 162]. Исходя из этого, авторы рассматривали профессиональное и личностное самоопределение в качестве основного новообразования старшего школьного возраста.

Продолжая эту линию исследований, И.В. Дубровина и ее сотрудники пришли к важному выводу о том, что «в старшем школьном возрасте формируется не само самоопределение – личностное, профессиональное (шире – жизненное), а психологическая готовность к нему» [14, с. 10]. Основным мотивационным механизмом формирования психологической готовности к профессиональному самоопределению является становление внутренней позиции взрослого человека.

В русле концепции Л.И. Божович о развитии личности в онтогенезе [3] мы рассматриваем внутреннюю позицию взрослого как сплав двух основных потребностей – социальной, связанной с обретением самостоятельности, и познавательной, направленной на освоение профессии либо подготовку к профессиональному обучению. В качестве важнейших мотивационных образований, связанных с удовлетворением этих потребностей, выступают представления молодых людей о своем будущем, предпочитаемом возрасте, временной перспективе и ретроспективе. Представления молодых людей о своем будущем придают личностный смысл мотивам, побуждающим их учебную деятельность и социальную активность.

Исследование, результаты которого изложены в настоящей статье, посвящено сравнительно-историческому изучению представлений о своем будущем выпускников советской средней школы и современных старшеклассников, а также их ровесников-студентов колледжей. Каким представляют свое будущее современные юноши и девушки? Как далеко они в него заглядывают? Какой период будущей взрослой жизни кажется им наиболее привлекательным? В какой мере образ будущего определяется гендерными стереотипами и установками, уровнем образования, регионом проживания? Ответы на эти вопросы позволили нам выявить психологическую феноменологию медленного взросления современной молодежи, традиционно описываемого как яркое социологическое явление постиндустриального общества [8, 13, 15, 16, 21].

Методика

Характеристика выборки. Исследование проводилось в 2019–2020 учебных годах на базе общеобразовательных школ г. Москвы и Московской области (г. Химки, г. Одинцово, г. Пушкино, г. Долгопрудный), «Столичного профессионального колледжа», Педагогического колледжа № 18 «Митино» г. Москвы и образовательных учреждений Уральского экономического района (общеобразовательные школы

г. Орска Оренбургской области; Образовательный центр г. Челябинска), Орского нефтяного техникума им. Героя Советского Союза В.А. Сорокина. В исследовании приняли участие 104 старшеклассника и 85 студентов средних учебных заведений Московского региона, 95 старшеклассников и 129 студентов средних учебных заведений Уральского региона. Общее число испытуемых – 413 человек.

Выборку респондентов, проживающих в Московской агломерации, мы рассматривали как совокупную, поскольку территориальная близость к мегаполису оказывает существенное влияние на экономику ближайших к Москве городов и трудовую занятость населения, расширяет возможности получения образования и дальнейшего трудоустройства молодежи. Выборку респондентов, проживающих в г. Челябинск и г. Орск Оренбургской области, мы также рассматривали как совокупную, относящуюся к Уральскому экономическому району, характеризующемуся значительной удаленностью от столицы и высоким уровнем развития промышленного производства.

Методы исследования. В качестве основных методических инструментов использовались Стендфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) [17], метод Б. Заззо «Золотой возраст» в модификации А.М. Прихожан [10], опросник «Я через 10 лет».

Полученные материалы обработаны с помощью статистического пакета SPSS 22.0: методов дескриптивной статистики (t-критерий Стьюдента, критерий ранговой корреляции Спирмена), непараметрического U-критерия достоверных различий Манна – Уитни.

Результаты и обсуждение

Временная перспектива

Образ будущего находится в неразрывной связи с психологической перспективой, то есть способностью мысленно представить себя в будущем. К.А. Абульханова-Славская подчеркивает разнонаправленность психологической перспективы в юношеском возрасте: «У одних представления о будущем связаны с профессиональным выбором, у других – с личностными притязаниями и со своими будущими достижениями (удачная карьера), у третьих – с личными устремлениями и потребностями (дружба, любовь, семья). Эти различия связаны с ценностными ориентациями, предпочитаемыми сферами жизни» [1, с. 144].

Для выявления представлений учащихся 16–18 лет о *временных интервалах* будущего и прошлого мы провели опрос, в ходе которого предлагали респондентам указать, какой отрезок времени они относят к ближайшему, близкому и далекому будущему и прошлому. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Представления учащихся раннего юношеского возраста о временных интервалах прошлого и будущего (в процентах)

Интервал времени	ближайшее 0–2 года	близкое до 10 лет	далекое до 20 лет
будущее	61	48	75
прошлое	82	54	48

Мы видим, что большинство респондентов измеряет ближайший период времени двумя годами, а далекий – 20 годами. Наибольшие расхождения обнаружились относительно представлений о близком времени, тем не менее около половины учащихся определили его как десятилетие. В соответствии с таким представлением молодых людей о временных интервалах мы и будем интерпретировать данные, полученные нами по другим методикам. Результаты данного опроса также показали, что о своем далеком будущем упоминают 70% юношей и только 30% девушек (различия значимы при $p \leq 0,05$), то есть можно предполагать, что юноши имеют более глубокую временную перспективу.

Для изучения временной перспективы, как уже упоминалось, были использованы Стендфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) и метод Б. Заззо «Золотой возраст» в модификации А.М. Прихожан.

Опросник Ф. Зимбардо направлен на оценку отношения субъекта ко времени, а через нее – на оценку отношения личности к окружающей действительности, к самому себе, своему прошлому, настоящему и будущему. Он содержит 5 шкал – негативное прошлое, гедонистическое настоящее, будущее, позитивное прошлое, фаталистическое настоящее, отношение к которым оценивается по пятибалльной шкале. Полученные результаты интерпретируются в контексте общего уровня ориентации на будущее, наличия определенных планов, стремления к поставленным целям, ожидания успеха [17, 18].

Для наших респондентов, учащихся 10–11 классов общеобразовательных школ Московской агломерации и Уральского экономического района, средние минимальные значения по всем шкалам находятся в интервале 1,33–2,65 баллов, средние максимальные – 3,56–4,89 баллов, а средние значения – 2,7–3,6 баллов. Профиль временной перспективы учащихся 10–11 классов по средним значениям по шкалам представлен на рисунке 1.

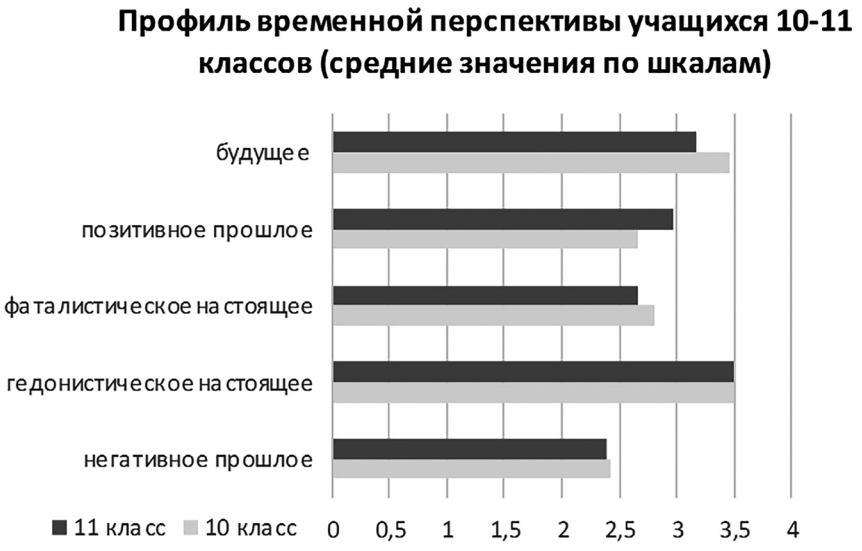


Рис. 1. Профиль временной перспективы учащихся 10–11 классов

Для старшеклассников наиболее привлекательным оказывается гедонистическое настоящее, то есть желание продлить текущий комфортный период своей жизни, хотя групповые значения по этой шкале не превышают среднего уровня. Столь же привлекательным для десятиклассников оказывается и будущее, однако уже одиннадцатиклассники оценивают его несколько ниже. Важным параметром является оценка фаталистического настоящего: высокие значения по этой шкале свидетельствуют об отсутствии сфокусированной временной перспективы, чувстве предопределенности будущего, слабости будущих целей. Групповые оценки учащихся 10- и 11-х классов по данной шкале проходят по нижней границе среднего уровня, что можно рассматривать как проекцию умеренной тревоги и неуверенности в благополучной реализации жизненных планов.

Ретроспектива, то есть ценность прошлого, меньше всего привлекает старшеклассников, хотя для одиннадцатиклассников возрастает значимость позитивного прошлого, связанного с ностальгическими чувствами к прошлой беззаботной и понятной жизни. В размышлениях человека о своем позитивном

прошлом присутствует множество теплых, приятных моментов, положительных ярких эмоциональных переживаний. Ностальгические переживания выступают средством саморегуляции эмоциональных состояний, связанных с переживанием чувства тревоги, способствуют выбору адаптивных вариантов копинг-стратегий [4].

В целом, мы видим, что для современных старшеклассников настоящее и будущее имеют практически равную ценность. Эти результаты совпадают с полученными нами ранее данными о равноценности будущего и настоящего для старших подростков, оканчивающих 9 класс школы [11]. В отличие от этого, половина советских старшеклассников предпочитала думать о себе, воспринимать себя как достаточно взрослых. «Остаться» в своем возрасте хотели 25,4% школьников, а еще 24,6% «стремились вернуться» в беззаботное детство. Такой профиль интерпретировался как устремленность в будущее, рано наступающее ощущение взрослости [14]. Лишь четверть советских подростков комфортно чувствовала себя в своем возрасте и еще четверть была субъективно младше своего возраста, инфантильна. Устойчивость эмпирических данных, полученных с помощью разных методик и на различных выборках респондентов, позволяет говорить о том, что для современной молодежи устремленность в будущее уравновешивается высокой ценностью настоящего.

Опросник Ф. Зимбардо не выявил значимых различий профиля временной перспективы, обусловленных условиями проживания и обучения респондентов. Более чувствительной к этим особенностям оказался традиционный для изучения временной перспективы метод Б. Заззо «Золотой возраст». С его помощью были выявлены определенные различия в отношении к настоящему и будущему старшеклассников в зависимости от конкретных условий *региона проживания* (в Московском и Уральском экономическом районах) и формы обучения (школа и 1–2 курсы колледжа). Результаты представлены в таблицах 2–3.

Таблица 2

Выбор предпочитаемого возраста старшеклассниками московских и уральских школ (в процентах)

Выбор на временной шкале	Старшеклассники Москва	Старшеклассники Урал	t-критерий Стьюдента
Далекое будущее	5,5	6,7	
Близкое будущее	14,3	21	
Ближайшее будущее	37,1	20,6	$p \leq 0,5$
Настоящее	18,6	25	
Ближайшее прошлое	18,5	11,9	
Близкое прошлое	3,6	9,7	$p \leq 0,5$
Далекое прошлое	2,5	5,1	

Можно сказать, что для уральцев настоящее и будущее как бы слиты в один временной интервал, включающий в себя не только сегодняшний день, но и близкое будущее (десятилетие). В отличие от уральцев, москвичи сосредоточены на ближайшем будущем, связанном с окончанием школы и поступлением в вуз. Равноценность для них настоящего и ближайшего прошлого (суммарно это такие же 37,1%) выступает, по нашему мнению, в роли копинг-стратегии, позволяющей справиться с тревожным ожиданием ближайшего будущего.

Также обнаружены различия в отношении предпочитаемого возраста в зависимости от *формы обучения*, то есть между старшеклассниками и их ровесниками-студентами колледжа. Данные представлены в таблице 3.

Таблица 3

Выбор предпочитаемого возраста московскими старшеклассниками и студентами колледжа (в процентах)

Выбор на временной шкале	Московский регион		t-критерий Стьюдента
	Старшеклассники	Студенты	
Далекое будущее	5,5	20,3	p≤0,5
Близкое будущее	14,3	24,8	
Ближайшее будущее	37,1	21,9	p≤0,5
Настоящее	18,6	11,7	
Ближайшее прошлое	18,5	5,1	p≤0,5
Близкое прошлое	3,6	9,7	
Далекое прошлое	2,5	6,5	

Мы видим, что студенты колледжа в большей степени ориентированы на будущее, все периоды которого практически равноценны. Ближайшее будущее (около 2 лет), привлекающее своей новизной старшеклассников, менее интересно студентам, уже так или иначе определившим свою судьбу на этот период жизни (различия достоверны при p≤0,5). Несмотря на один и тот же фактический возраст, студенты колледжа более уверенно, чем школьники, строят планы на отдаленное будущее. Об этом свидетельствует и меньшая ценность для них как настоящего, так и недавнего прошлого (различия со старшеклассниками значимы при p≤0,5). В ряде исследований также было показано преобладание ориентации на гедонистическое настоящее в старшем школьном и юношеском возрасте (17–20 лет) и на будущее у студентов и молодых взрослых (21–30 лет) [28, 35, 37, 40].

В литературе имеются данные и о том, что ориентация на гедонистическое настоящее больше свойственна девушкам-старшеклассницам, чем юношам [12]. Полученные нами по опроснику Ф. Зимбардо данные также позволили выделить *гендерные различия* в глубине представлений о будущем. Дифференцированный анализ ответов наших респондентов по шкале «Будущее» показал, что юноши оценивают свое будущее значимо выше, чем девушки (различия достоверны при p≤0,01 по критерию Манна – Уитни; рис. 2).

Рис. 2. Гендерные различия по шкале ориентации на будущее

Хотя объективно показатели ценности будущего для юношей не слишком высоки, они, тем не менее, значимо выше, чем у девушек. Кроме того, юноши существенно чаще девушек говорят о далеком будущем, пытаются представить себя через 10–20 лет, их тревожит проблема выбора из множества возможных вариантов. Девушки чаще рассуждают о том, что будущее слишком изменчиво, поэтому трудно выбрать профессию, решить, что делать после окончания школы. В этом различии отражается как направленность юношей на более высокие жизненные достижения, так и готовность девушек к различным вариантам взрослого жизнеустройства. Е.И. Головаха также отмечает, что девушки во всех сферах жизни ожидают достижений в более раннем возрасте, чем юноши, их жизненная перспектива не всегда адекватна реальным обстоятельствам, что свиде-

тельствует об их недостаточной готовности к реальным проблемам взрослой жизни [6]. Мы предполагаем, что девушки, в отличие от юношей, не рассматривают профессиональную самореализацию в качестве единственного варианта жизненного устройства. Современная цифровая экономика не нуждается в таком большом количестве рабочих рук как индустриальная, поэтому девушки допускают для себя и не связанный с профессией способ самореализации – семья и материнство. Исследования показывают, что размышления о будущем у мужчин и женщин существенно различаются. Мужчины чаще обозначают политические, профессиональные и общественные темы, в то время как женщины в большей степени упоминают темы из личной сферы [19, 20].

Жизненная перспектива как образ близкого будущего (10 лет)

Для изучения жизненной перспективы учащихся 10–11 классов на ближайшее к окончанию школы десятилетие был использован специально разработанный опросник «Я через 10 лет». Учащимся предлагалось оценить основные события их ближайших 10 «взрослых» лет, включающие как социально значимые, так и личные достижения: получить высшее образование, стать хорошим специалистом, выйти замуж/жениться, стать родителями, сделать карьеру, открыть свое дело/бизнес, переехать в другой город или страну, купить/построить свой дом или квартиру, много путешествовать, стать известным человеком. Наиболее значимые события оценивались в 10 баллов, наименее значимые – в 1 балл.

Мы рассматриваем жизненную перспективу как осознаваемый образ будущего, опирающийся на социально желательный, поддерживаемый окружающими стереотип жизненного успеха. Обнаружилось, что этот образ не содержит гендерных различий: выявлена сильная прямая корреляционная связь между юношами и девушками (ρ=0,849), свидетельствующая о дихотомичности представлений девушек о своем будущем. С одной стороны, они разделяют общепринятые ценности жизненного благополучия, признают их значимыми для себя, а с другой – предпочитают не заглядывать в отдаленное будущее, допуская разные варианты своей взрослой жизни.

В то же время этот образ отражает различия в базовых социокультурных ценностях жителей российских регионов (слабая прямая корреляционная связь, ρ=0,429). Москвичи в большей степени ориентируются на достижение жизненного благополучия (получить высшее образование, стать хорошим специалистом, сделать карьеру, создать свой бизнес, купить квартиру и увидеть мир), в которое практически не включаются семейные ценности. Семья и дети не рассматриваются московскими старшеклассниками в качестве значимых достижений молодости.

Уральцы демонстрируют б***о***льшую приверженность традиционным ценностям, в том числе семейным. Приоритетным для них оказывается стремление к жизненной самостоятельности, наличие жилья, работы и семьи. По-видимому, высшее образование, собственный бизнес и путешествия представляются им труднодостижимыми либо необязательными факторами взрослой жизни. На рисунке 3 графически представлено соотношение желательных образов близкого будущего, полученных от 16–18-летних учащихся Московского и Уральского регионов. Для наглядности график построен с учетом инверсии рангов – чем численно больше ранг, тем более значимо соответствующее достижение.

Близкими по значимости для обеих выборок оказываются деловые и практические ценности (стать хорошим специалистом, сделать карьеру, сменить место жительства, построить свой дом). По-видимому, они и составляют ядро социально желательного образа близкого будущего для современной российской молодежи.

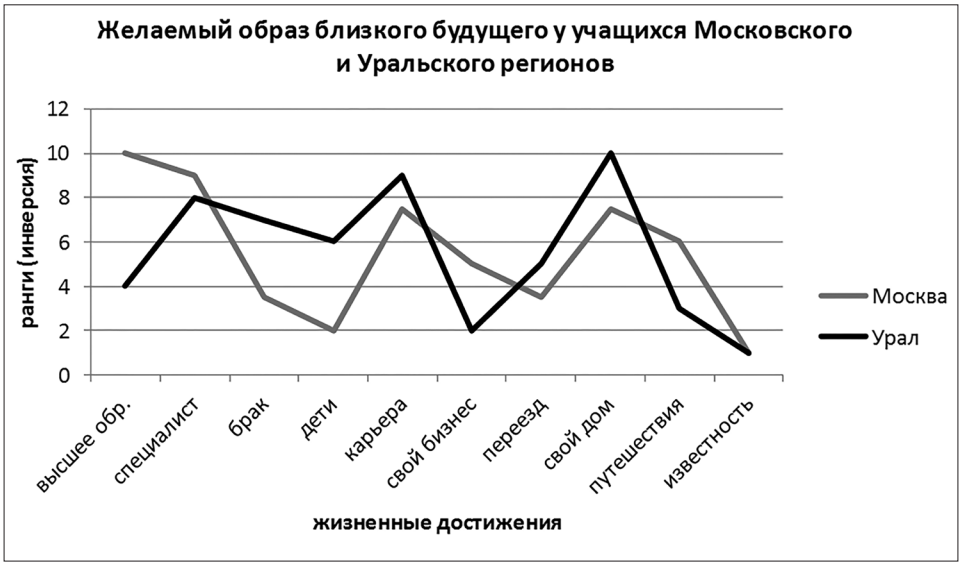


Рис. 3. Желаемый образ близкого будущего у учащихся Московского и Уральского регионов

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Устремленность в будущее по-прежнему является важной психологической характеристикой учащихся раннего юношеского возраста, что обусловлено близящимся объективным изменением их социального статуса, завершением институционального детства, обретением прав и обязанностей взрослого члена общества.

2. Для современных учащихся раннего юношеского возраста настоящее и будущее имеют практически равную ценность. Высокая степень неопределенности будущего в современном мире повышает для молодых людей ценность настоящего, практически уравнивая их значимость.

3. Ближайшее будущее, в наибольшей степени привлекающее своей новизной старшеклассников, менее значимо для студентов колледжа, в той или иной мере определивших свою судьбу на этот период жизни. Несмотря на один и тот же фактический возраст, студенты колледжа имеют более глубокую временную перспективу, чем школьники.

4. Осознаваемый образ будущего не содержит гендерных различий, но отражает базовые социокультурные ценности жителей разных регионов России. Москвичи в большей степени ориентируются на достижение жизненного благополучия, в которое практически не включаются семейные ценности, в то время как уральцы демонстрируют большую приверженность традиционным ценностям, в том числе семейным.

5. Подводя общий итог исследования, отметим следующее. Ранний юношеский возраст (16–18 лет) следует рассматривать только как начало становления внутренней позиции взрослого человека. Сегодня он характеризуется противоречием между устремленностью в будущее как важнейшей закономерностью раннего юношеского возраста, обусловленной завершением этапа основного общего образования, формальным окончанием периода своеобразного моратория на самоопределение и психологической неготовностью молодых людей соответствовать институциональным требованиям взрослости. Мы предполагаем, что именно глобальная неопределенность будущего в современном мире ведет к размыванию традиционных возрастных границ и становится одной из психологических причин медленного взросления молодежи. Баланс между устремленностью в будущее и ценностью настоящего (и даже прошлого) можно рассматривать как копинг-стратегию, помогающую

преодолеть трудности юношеского самоопределения в условиях высокой подвижности социальных и экономических процессов.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. – М., 1991. – 160 с.
2. *Андреева А.Д.* Детство в субъективных представлениях современных взрослых и подростков о жизненных циклах // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13. – № 1. – С. 42–51.
3. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. – М., 2008. – 400 с.
4. *Болотова А.К., Хачатурова М.Р.* Человек и время в ситуациях выбора совладающего поведения // Культурно-историческая психология. – 2012. – № 1. – С. 69–76.
5. *Гинзбург М.Р.* Психология личностного самоопределения: автореферат дис. ... докт. психол. наук. – М., 1996. – 60 с.
6. *Головаха Е.И.* Жизненная перспектива и ценностные ориентации личности / Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб.: Питер, 2000. – С. 256–269.
7. *Левин К.* Теория поля в социальных науках. – СПб: Сенсор, 2000. – 368 с.
8. *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. – 2017. – № 1(89). – С. 24–37.
9. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. А.Н. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
10. *Прихожан А.М.* Диагностика личностного развития детей подросткового возраста. – М.: АНО «ПЭБ», 2007. – 56 с.
11. *Сергоманов П.А., Андреева А.Д., Данилова Е.Е.* Российские подростки эпохи позднего СССР и современного российского общества // Вопросы психологии. – 2020. – Т. 66. – № 4. – С. 40–53.
12. *Сырцова А.* Возрастная динамика временной перспективы личности: автореферат дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 24 с.
13. *Толстых Н.Н.* Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Т. 23. – № 4. – С. 7–24.
14. Формирование личности старшеклассника / Под ред. И.В. Дубровиной. – М.: Педагогика, 1989. – 168 с.
15. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55(5). – P. 469–480.
16. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. 2nd edition. – New York: Oxford University Press, 2015. – 385 p.
17. *Diaz-Morales J.F.* Estructura factorial y fiabilidad del Inventario de Perspectiva Temporal de Zimbardo // Psicothema. – 2006. – Vol. 18. – No. 3. – P. 565–571.
18. *Gonzales A., Zimbardo P.G.* Time in Perspective // Psychology Today. – 1985. – Vol. 19(3). – P. 21–26.
19. *McGrath J., Tschan F.* Temporal Matters in Social Psychology: Examining the Role of Time in the Lives of Groups and Individuals. – Washington DC: APA Publications, 2004.
20. *Schmidt R.W., Lamm H., Trommsdorff G.* Social class and sex as determinants of future orientation (time perspective) in adults // European Journal of Social Psychology. – 1978. – Vol. 8. – P. 71–79.
21. *Twenge J.M.* Have Smartphones Destroyed a Generation [Электронный ресурс]. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/toc/2017/09/.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya KA. Strategiya zhizni. Moscow, 1991: 160 (in Russian).
2. Andreyeva AD. Detstvo v sub'yektivnykh predstavleniyakh sovremennykh vzroslykh i podrostkov o zhiznennykh tsiklakh. Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya 2020; 13(1):42–51 (in Russian).
3. Bozhovich LI. Lichnost' i yeye formirovaniye v detskom vozraste. Moscow, 2008: 400 (in Russian).
4. Bolotova AK, Khachaturova MR. Chelovek i vremya v situatsiyakh vybora sovladayushchego povedeniya. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya 2012; 1:69–76 (in Russian).
5. Ginzburg MR. Psikhologiya lichnostnogo samoopredeleniya: avtoreferat dis ... dokt psikhol nauk. Moscow, 1996: 60 (in Russian).
6. Golovakha YeI. Zhiznennaya perspektiva i tsennostnyye oriyentatsii lichnosti. Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov. St. Petersburg: Piter, 2000: 256–269 (in Russian).

7. Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh. St. Petersburg: Sensor, 2000: 368 (in Russian).
8. Martsinkovskaya TD, Poleva NS. Pokoleniya epokhi tranzitivnosti: tsennosti, identichnost', obshcheniye. Mir psikhologii 2017; 1(89):24–37 (in Russian).
9. Nyutten Zh. Motivatsiya, deystviye i perspektiva budushchego. Pod red AN Leont'yeva. Moscow: Smysl, 2004 608 (in Russian).
10. Prikhozhan AM. Diagnostika lichnostnogo razvitiya detey podrostkovogo vozrasta. Moscow: ANO «PEB», 2007 56 (in Russian).
11. Sergomanov PA, Andreyeva AD, Danilova YeYe. Rossiyskiye podrostki epokhi pozdnego SSSR i sovremennogo rossiyskogo obshchestva. Voprosy psikhologii 2020; 66(4):40–53 (in Russian).
12. Syrtsova A. Vozrastnaya dinamika vremennoy perspektivy lichnosti: avtoreferat dis ... kand psikhol nauk. Moscow, 2008: 24 (in Russian).
13. Tolstykh NN. Sovremennoye vzrosleniye. Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya 2015; 23(4):7–24 (in Russian).
14. Formirovaniye lichnosti starsheklassnika. Pod red IV Dubrovinoy. Moscow: Pedagogika, 1989: 168 (in Russian).
15. Arnett JJ. Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties. American Psychologist 2000; 55(5):469–480.
16. Arnett JJ. Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. 2nd edition. New York: Oxford University Press, 2015: 385.
17. Diaz-Morales JF. Estrectura factorial y fiabilitad del Inventario de Perspectiva Temporal de Zimbardo. Psicothema 2006; 18(3):565–571.
18. Gonzales A, Zimbardo PG. Time in Perspective. Psychology Today 1985; 19(3):21–26.
19. McGrath J, Tschan F. Temporal Matters in Social Psychology: Examining the Role of Time in the Lives of Groups and Individuals. Washington DC: APA Publications, 2004.
20. Schmidt RW, Lamm H, Trommsdorff G. Social class and sex as determinants of future orientation (time perspective) in adults. European Journal of Social Psychology 1978; 8:71–79.
21. Twenge JM. Have Smartphones Destroyed a Generation [Electronic resource]. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/toc/2017/09/.

A TIME AND LIFE PERSPECTIVE AS A MOTIVATIONAL CENTER OF SELF-DETERMINATION IN EARLY ADOLESCENCE: A COMPARATIVE HISTORICAL STUDY

A.D. ANDREEVA[1], A.G. LISICHKINA[1], L.A. BRIMOVA[2]

[1]Psychological Institute of RAE, Moscow;
[2]Municipal general education budget institution Lyceum 15, Moscow region, Khimki

The article presents the results of an empirical study of the perceptions of the future of young students. It has been shown that future orientation is still the leading psychological characteristic of the age studied. At the same time, modern young people are distinguished by a pronounced positive attitude towards their present, which is unusual for their peers in the Soviet time. It has been suggested that the balance between aspiration to the future and the value of the present (and even the past) can be seen as a coping strategy to overcome the difficulties of youth self-determination in a post-industrial digital economy.

Keywords: social situation of development, time perspective, self-determination, inner position of the adult, early adolescence.

Address:
Andreeva A.D., Ph.D.
Head of the Laboratory of scientific bases
of children's practical psychology,
Psychological Institute of RAE.
E-mail: alladamirovna@yandex.ru

УДК 159.9

ГАРМОНИЗАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПАРТНЕРОВ В МОЛОДЫХ СУПРУЖЕСКИХ ПАРАХ

О.В. ВАСИЛЬЕВА*

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», Красноярск

Представлены основные результаты апробации программы гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах. Аргументируется позиция, что понятие «гармоничные отношения» целесообразно рассматривать в качестве интегрирующей категории, характеризующей позитивные проявления этих отношений. Гармония определяется как универсальный маркер позитивных аспектов действий и состояний человека, его взаимодействия с самим собой и с внешним миром. В качестве ключевых индикаторов гармоничности отношений в семейной паре использованы уровень удовлетворенности-неудовлетворенности супругов браком, а также психологическая близость-дистанция между супругами. В результате эмпирического исследования доказана эффективность программы гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах, выявлены статистически значимые различия между контрольной и экспериментальной группами по уровню удовлетворенности браком, а также когнитивной, коммуникативной и поведенческой близости. Эффективность программы обеспечивается ориентацией ее на два ключевых аспекта: актуализацию у супругов семейных ценностей и повышение уровня осознанности в отношениях.

Ключевые слова: психология семьи, молодая семья, межличностные отношения, показатели гармоничности отношений, удовлетворенность браком, эмоциональная дистанция, поведенческая дистанция, коммуникативная дистанция, когнитивная дистанция.

Введение

Необходимость изучения семьи связана с тем, что данный социальный институт является ведущим с точки зрения будущего общества. Семья и взаимоотношения в семье являются актуальным предметом изучения общественных и гуманитарных наук. Особая ценность исследования вопросов семьи детерминирована кризисом традиционных семейных ценностей, трансформацией семьи как социального института. Существует ряд закономерностей, дающих современным ученым основание обозначать данную трансформацию как кризис. Это и снижение числа браков, и высокий процент разводов, и увеличение количества неблагополучных и неполных семей, и снижение уровня рождаемости, и жестокое обращение членов семьи друг с другом, и распространение преступности среди детей и подростков, и т.д. Устойчивость описанных тенденций подтверждается показателями статистики. Так, согласно данным Росстата, по итогам 2018 года число зарегистрированных браков в России снизилось на 12,7% по сравнению с 2017 годом и составило 917 тыс. В 2018 году зарегистрировано 6,1 браков и 4 развода на 1000 населения [4, 16].

Целесообразно выделить также отдельное проблемное поле, связанное с психологическим микроклиматом семьи, с отсутствием крепких доверительных отношений между ее членами. Современные молодые люди не стремятся к заключению брака, а, вступив в брак, сталкиваются с массой

© Васильева О.В., 2021

* **Для корреспонденции:**
Васильева Ольга Владимировна,
ассистент кафедры социологии Сибирского федерального университета (ФГАОУ ВО СФУ), г. Красноярск
E-mail: yyoollyyaa@gmail.com

трудностей, оказываясь не готовыми самостоятельно справляться ними с целью развития и сохранения отношений. Такое положение дел может быть связано как с разрушением традиционных установок на брак в современных условиях, так и с высоким уровнем эмоциональной и информационной нагрузки современного человека [9]. Все более остро встает вопрос роста числа браков, не оформленных юридически, и, соответственно, роста число детей, рожденных вне брака.

Приведенные факты свидетельствуют о приоритетности исследования вопросов семьи и супружеских отношений, поскольку будущее социума напрямую зависит от возможностей обеспечить условия для создания и развития крепких, психически здоровых семей и способствовать демографическому развитию. Качество взаимоотношений между супругами в семье является первичным и выступает основой будущего как в семейных союзах (включая неоформленные законодательно – так называемые конвенциональные браки) без детей, так и в семьях с детьми.

Таким образом, поиск возможностей укрепления брака и гармонизации супружеских отношений, особенно в молодой семье, является важнейшим направлением современной психологии. Дефицит апробированных программ сопровождения супружеских отношений детерминирует необходимость поиска психологических условий гармонизации этих отношений (рис. 1). Особую важность приобретают разработка и апробация таких программ для молодых семей.

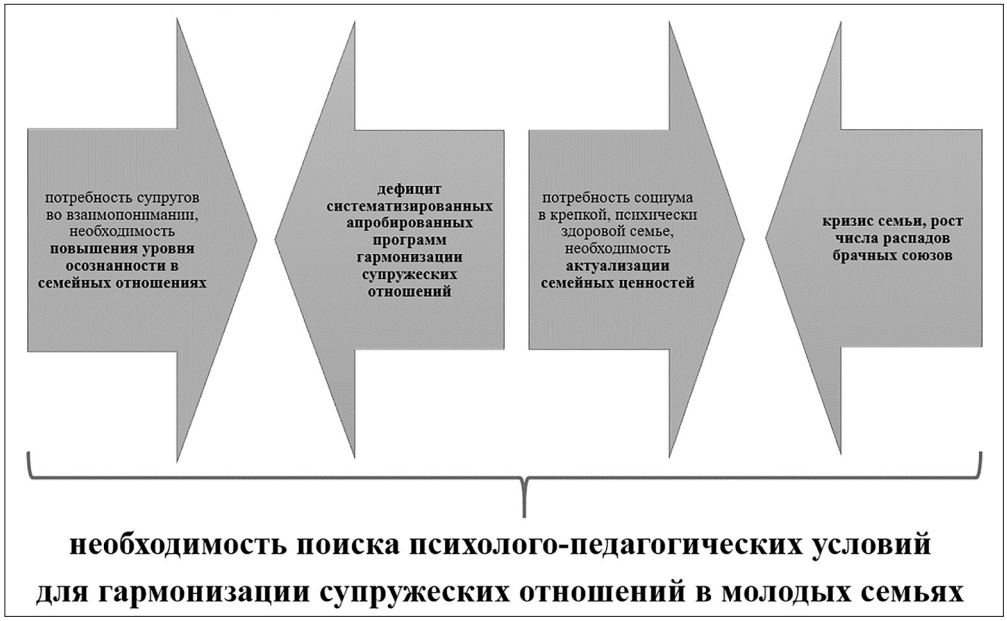


Рис. 1. Актуальность вопроса гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах

Целью настоящего исследования были разработка и апробация программы гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах. Поиск психолого-педагогических условий гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах осуществлялся с точки зрения оптимизации двух ключевых аспектов, первый из которых – актуализация у супругов семейных ценностей, второй – повышение уровня осознанности в отношениях.

Объект исследования: взаимоотношения партнеров в молодых супружеских парах.

Предмет исследования: гармонизация взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах посредством актуализации у супругов жизненных ценностей

семьи и повышения уровня осознанности в отношениях.

Задачи исследования:

1. Изучить теоретические аспекты проблемы гармонизации отношений между супругами.
2. Определить индикаторы гармоничности отношений между супругами.
3. Провести диагностику гармоничности отношений в молодых супружеских парах, имеющих запрос на гармонизацию отношений.
4. Разработать и апробировать программу гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах (консультации, серия тренингов).
5. Проанализировать результаты, провести сравнение первичной и вторичной диагностики гармоничности отношений в супружеских парах.

Гипотеза исследования: разработанная программа психологического сопровождения молодых семей с проблемами супружеских отношений позволит повысить уровень гармоничности взаимоотношений партнеров, а именно: повысить уровень удовлетворенности браком, снизить показатели дисгармонии межличностных отношений между супругами. Эффективность программы достигается благодаря ее ориентированности на актуализацию у супругов семейных ценностей и повышение уровня осознанности в отношениях.

Обзор литературы

Понятие «молодая семья» довольно распространено в общественных науках. Этот термин, как справедливо отмечают З.Х. Саралиева, Н.Ю. Егорова и Е.Е. Кутявина, связан с двумя категориями: «молодежь» и «жизненный цикл семьи». Так, что касается первой категории, основанием отнесения семьи к подгруппе молодых семей является возраст супругов (не более 30–35 лет), с точки зрения второй категории таким основанием служит этап формирования семьи, ранняя ступень ее жизненного цикла или бездетный период ее существования [12]. Максимально универсальным представляется подход к определению молодой семьи Ю.А. Костровой. В результате систематизации подходов к интерпретации данного понятия автор приходит к выводу, что молодую семью целесообразно рассматривать в качестве социального института, находящегося на стадии формирования основных институциональных характеристик семьи, позволяющих развиваться, сохраняя свою целостность [8]. Таким образом, среди авторов не существует универсального понимания конструкта «молодая семья». Тем не менее ключевым формальным признаком такой семьи выступает возраст супругов (или одного родителя, если речь идет о неполной семье), независимо от наличия детей и их количества. Так, согласно Концепции государственной политики в отношении молодой семьи от 8 мая 2007 года N АФ-163/06, молодая семья – это семья, в которой возраст каждого из супругов не превышает 30 лет, либо неполная семья, состоящая из одного молодого родителя, возраст которого не превышает 30 лет, и одного и более детей [17].

Необходимость решения вопросов молодой семьи детально представлена в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи [11]. Во-первых, молодые семьи составляют значительную часть российских семей; во-вторых, именно в молодом возрасте заключается основная часть браков (ориентировочно средний возраст вступления в брак – 22,2 лет для женщин и 24,4 лет для мужчин, 70% заключаемых браков – первые); в-третьих, на данную группу семей приходится наибольший процент разводов (треть всех разводов происходит в семьях, существующих менее года, и треть – в семьях с брачным стажем от одного года до пяти лет); в-четвертых, преимущественно от молодой семьи зависит деторождение (75% общего числа детей – у родителей моложе 30 лет).

Самореализация личности в брачно-семейной сфере рассматривается совре-

менными учеными в качестве важнейшего фактора ее субъективного благополучия [10]. Субъективное благополучие, в свою очередь, следует признать одним из ключевых показателей качества жизни и благосостояния населения (W. Wilson, E. Diener, D.G. Myers, R.E. Lucas, P. Brickman и др.) [18, 19, 20, 21]. Следовательно, в настоящей работе мы опираемся на современную концепцию субъективного благополучия.

В качестве теоретической базы исследования выступают также достижения в области психолого-педагогического сопровождения семьи (А.М. Волкова [3], И.В. Дубровина [5], В.И. Слободчиков [13], Духновский С.В., Р.В. Овчарова [7]), а также концепция гармонии-дисгармонии межличностных отношений С.В. Духновского, центральным моментом которой является социально-психологическая дистанция между субъектами отношений [6].

Конструкт «гармония», употребляемый в психологическом контексте, обозначает позитивные характеристики самых разных аспектов жизни человека – как в статике, так и в динамике. Именно поэтому гармония рассматривается нами в качестве наиболее универсального маркера позитивных аспектов действий и состояний человека, его отношений с собой и внешним миром. Поскольку гармония – это переживание благополучия в разных его проявлениях [1], то в качестве индикатора измерения гармоничности отношений, на наш взгляд, должно использоваться не что иное, как субъективное благополучие акторов в условиях этих отношений. Иными словами, в основу измерения гармоничности отношений должно быть положено получение знания о субъективном благополучии акторов в контексте этих отношений. Понятие субъективного благополучия, в свою очередь, справедливо отождествлять с понятиями социального самочувствия и удовлетворенности качеством жизни [2]. Индикатор гармоничности отношений в семейной паре – это удовлетворенность партнеров супружескими отношениями. Именно поэтому в качестве диагностических методов гармоничности отношений в семейной паре оправдано использование следующих методов: тест-опросник удовлетворенности браком (Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П., 2000 [15]); методика «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского (универсальная методика адаптирована в нашем случае под оценку супружеских отношений) [6].

Методика

Выборка. 18 супружеских пар (36 человек), проживающих в городе Красноярске и имеющих запрос на улучшение (гармонизацию) супружеских отношений. Возраст супругов: от 18 до 35 лет.

Исследование было проведено автором в период с ноября 2020 по февраль 2021 гг.

Методы исследования. В исследовании были использованы следующие эмпирические (психодиагностические) методики: тест-опросник удовлетворенности браком В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко; методика «Субъективная оценка межличностных отношений» С.В. Духновского.

Обработка данных. В качестве аналитических методов были применены анализ средних показателей, оценка различий между двумя независимыми выборками с помощью U-критерия Манна – Уитни, а также качественный анализ и содержательная интерпретация результатов исследования.

Результаты

Итоги первичной диагностики супругов в парах, имеющих запрос на гармонизацию супружеских отношений, представлены на рисунке 2.

Первичная диагностика продемонстрировала, что пары (как мужья, так и жены – приблизительно в равной степени) характеризуются низким уровнем следующих показателей:

- Эмоциональная (эмотивная) близость.
- Поведенческая и деятельностная близость.

- Коммуникативная близость (степень доверия).
- Когнитивная близость (степень взаимопонимания).
- Общий уровень удовлетворенности браком.

Так, перечисленные показатели находятся на уровне ниже среднего как для мужской, так и для женской подвыборок (рис. 3). На уровне нормы у супругов находится лишь показатель положительного образа самого себя (шкала Si методики С.В. Духновского).

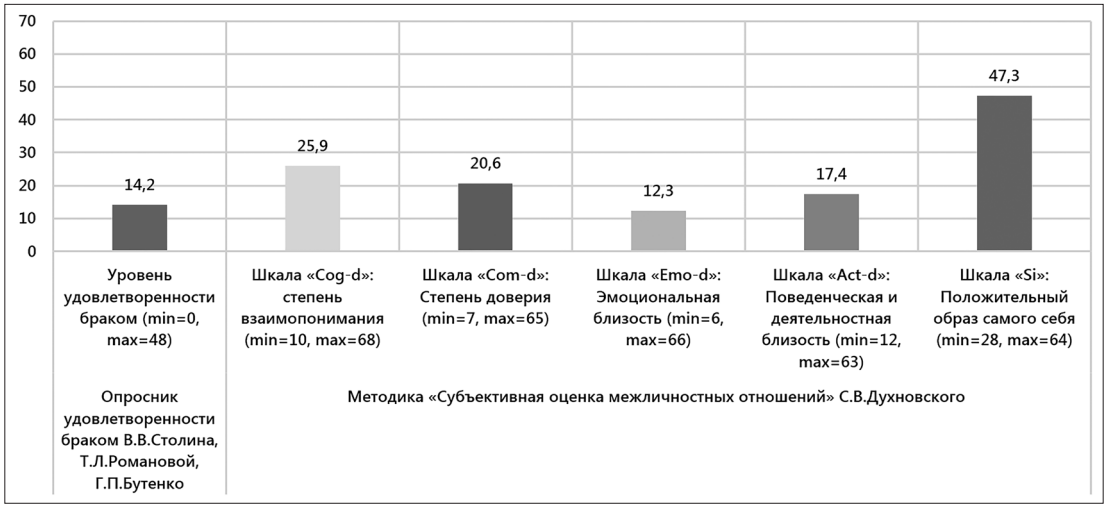


Рис. 2. Результаты первичной диагностики (констатирующий этап), средние значения по всей выборке, N=36

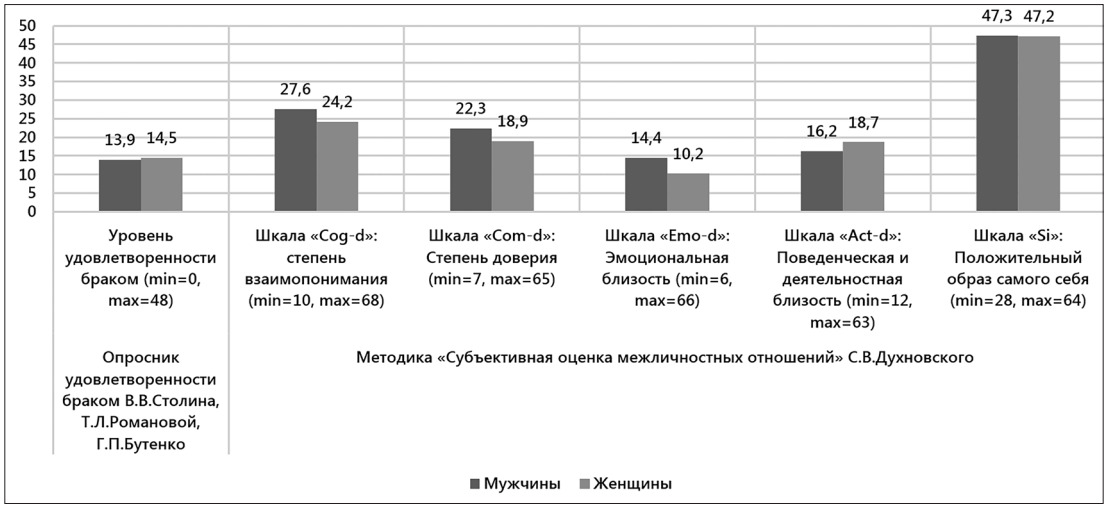


Рис. 3. Результаты первичной диагностики (констатирующий этап), средние значения для подвыборок мужчин и женщин, $N_м$=18, $N_ж$=18

Таким образом, программа гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах должна быть ориентирована, во-первых, на системную оптимизацию когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов семейных ценностей, во-вторых, на повышение уровня осознанности в отношениях у супругов с целью эффективной мотивации на преодоление эмотивной, поведенческой, коммуникативной и когнитивной дистанции.

Разработанная автором программа гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых парах содержит два ключевых блока: консультации «Точки соприкосновения» и тренинги «Счастливый союз». Однако в условиях пандемии формат тренин-

гов был преобразован в формат домашних заданий. Цель консультаций – формирование у супругов осознания возможности и необходимости сохранения гармонии в отношениях, интереса и мотивации к работе над гармонизацией отношений (актуализация когнитивного компонента семейных ценностей). Тренинговые занятия (домашние задания) включены в программу с целью активного поиска для супружеских пар новых ресурсов гармонизации отношений, а также с целью практической отработки партнерами способов достижения гармонии в отношениях (актуализация эмотивного и поведенческого компонентов семейных ценностей).

Контрольная и экспериментальная группы исследования определились в ходе исследования ситуативно. Так, контрольную группу составили 8 супружеских пар (16 человек), которые не выполняли домашнее задание (блок «тренинги»), а также посещали не все консультации (посетили от 2 до 4 из восьми предусмотренных программой). Экспериментальную группу составили 10 пар (20 человек), прошедших программу гармонизации взаимоотношений полностью или с единичным случаем невыполнения домашнего задания.

С целью оценки эффективности программы гармонизации взаимоотношений партнеров в молодых супружеских парах была осуществлена вторичная диагностика, результаты которой представлены на рисунке 4. Диагностика контрольного этапа эксперимента показала, что средние значения по всем обследуемым показателям выросли как для контрольной, так и для экспериментальной групп. Тем не менее заметно б*о*льший рост этих показателей зафиксирован для экспериментальной группы. Напомним, экспериментальная группа – это 10 пар (10 мужчин и 10 женщин), которые прошли программу полностью или с единым случаем невыполнения домашнего задания.

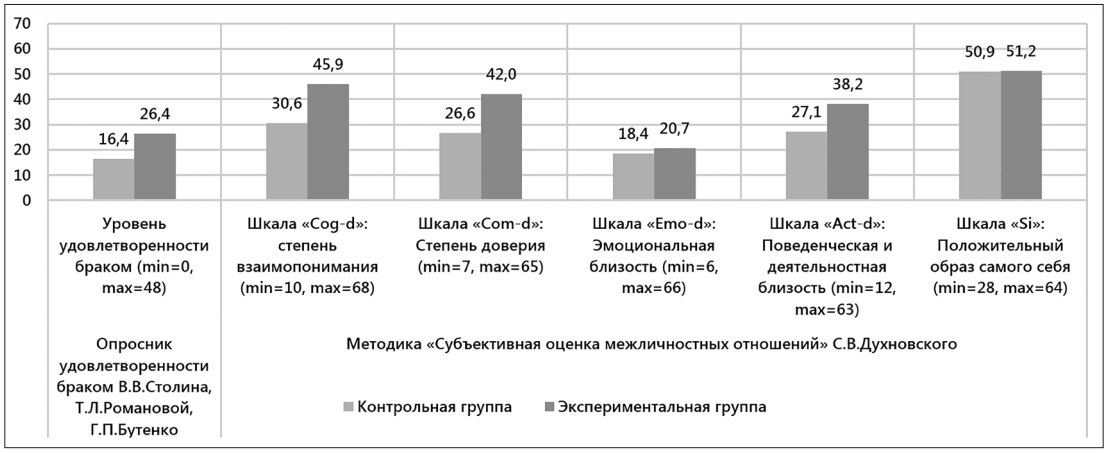


Рис. 4. Результаты вторичной диагностики (контрольный этап), средние значения для контрольной и экспериментальной групп, $N_к$=16, $N_э$=20

С целью проверки статистической значимости выявленных различий между двумя независимыми выборками – контрольной и экспериментальной группами – был рассчитан критерий Манна – Уитни. Так, были сформулированы следующие гипотезы H0 и H1:

H0. Нет различий между контрольной и экспериментальной группами по уровню социально-психологической дистанции между супругами и уровню удовлетворенности браком у супругов. Выборки взяты из одной генеральной совокупности.

H1. Различия есть. Уровень социально-психологической дистанции между супругами и уровень удовлетворенности браком у супругов в экспериментальной группе выше, чем в контрольной.

Итак, расчет критерия Манна – Уитни позволил нам выявить статистически

значимые различия между контрольной и экспериментальной группами по исследуемым показателям (табл. 1). Поскольку нулевая гипотеза отклоняется на уровне значимости p<0,001, различия между контрольной и экспериментальной группами имеются по следующим показателям:

- Общий уровень удовлетворенности браком.
- Когнитивная близость (степень взаимопонимания).
- Коммуникативная близость (степень доверия).
- Поведенческая и деятельностная близость.

То есть, для обозначенных выше показателей в строке Asymp. Sig. (2-tailed) / Асимптотическая знч. (2-сторонний критерий) указан уровень значимости p=0,000, соответствующий эмпирическому значению стандартизованной статистики критерия Z=5,459. Это свидетельствует о том, что p<0,001. Значит, для обозначенных выше показателей принимается гипотеза H1, утверждающая, что различия показателей сравниваемых групп есть, и в экспериментальной группе они выше, чем в контрольной.

Таблица 1

Результаты расчета критерия Манна – Уитни с целью выявления различий между двумя независимыми выборками: контрольной и экспериментальной группами

	Статистика U Манна – Уитни	Статистика W Уилкоксона	Z	Асимпт. знч. (двухсторонняя)	Точная знч. [2*(1-сторонняя знач.)]
Общий уровень удовлетворенности браком	2	138	-5,1	0	0,000b
Когнитивная близость (степень взаимопонимания)	0	136	-5,1	0	0,000b
Коммуникативная близость (степень доверия)	4	140	-5	0	0,000b
Эмоциональная (эмотивная) близость	108,5	244,5	-1,7	0,1	0,102b
Поведенческая и деятельностная близость	0	136	-5,1	0	0,000b
Положительный – отрицательный образ самого себя	154	290	-0,2	0,85	0,863b

Заключение

Результаты проведенного исследования показывают, что большинство показателей гармоничности отношений между супругами в молодых супружеских парах, а также общий уровень удовлетворенности браком демонстрируют свой рост в результате прохождения супругами программы гармонизации взаимоотношений, ориентированной на системную оптимизацию когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов семейных ценностей, а также на повышение уровня осознанности в отношениях у супругов с целью мотивации на преодоление межличностной дистанции.

Система консультационных и тренинговых занятий, составляющая основу программы психологического сопровождения супругов, имеющих запрос на гармонизацию отношений, позволяет достичь значительного повышения общего уровня удовлетворенности браком, а также роста таких показателей гармоничности отношений между супругами, как когнитивная, коммуникативная и поведенческая близость.

Выполненная работа была посвящена изучению эффективности программы гармонизации супружеских отношений, в основе которой лежат актуализация семейных ценностей и повышение уровня осознанности в отношениях. Разработан-

ная программа гармонизации отношений в супружеских парах была апробирована на выборке молодых семей города Красноярска (возраст супругов до 30–35 лет). Программа продемонстрировала свою эффективность с точки зрения позитивной динамики следующих показателей: когнитивная, коммуникативная и поведенческая близость, а также общий уровень удовлетворенности браком.

Дальнейшие перспективы исследования связаны с апробацией данной программы на других выборках (в частности, на парах более старшего возраста). Кроме того, необходимо проанализировать возможность введения в программу тренингов на повышение эмоциональной (эмотивной) близости, поскольку в настоящем исследовании не удалось зафиксировать статистически значимого роста этого показателя для экспериментальной группы.

Предполагается, что следующим этапом рассматриваемой работы станет проведение тренингов в групповом офлайн-формате, который был предусмотрен программой изначально (напомним, в связи с пандемией Covid-19 в настоящем исследовании тренинги были преобразованы в индивидуальные домашние задания для пар). Также планируется произвести сравнение показателей удовлетворенности браком в экспериментальных подвыборках мужчин и женщин, а также в экспериментальных подвыборках семей с детьми и без детей – с целью выявления возможных различий эффективности программы для обозначенных пар подвыборок и с целью последующей оптимизации разработанной нами программы.

Литература

1. *Варій М.Й.* Загальна психологія: навчальний посібник / 2-ге видан., випр. і доп. – Київ: Центр учбової літератури, 2007. – 968 с.
2. *Васильева О.В.* Социальное настроение как генеральный индикатор позиции социального субъекта в обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2017. – №. 1–2(61). – С. 48–55.
3. *Волкова А.М.* Особенности формирования политической культуры молодежи в зависимости от типа семьи // Вестник социально-политических наук. – 2019. – № 18. – С. 5–9.
4. Демографический ежегодник России. 2017: статистический сборник / Под ред. Г.К. Оксенойта и др. [Электронный ресурс]. – М.: Росстат, 2017. – 263 с. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm.
5. *Дубровина И.В.* Психологическая готовность к семейной жизни как аспект самоопределения // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2 / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. – М.: Институт психологии РАН, 2015. – № 2. – С. 86–95.
6. *Духновский С.В.* Психология отношений личности: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 380 с.
7. *Духновский С.В., Овчарова Р.В.* Гармония и дисгармония межличностных отношений субъектов образовательного процесса: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. – 296 с.
8. *Кострова Ю.А.* Концептуализация институциальных характеристик молодой семьи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2015. – № 3(12). – С. 24–28.
9. *Куницына В.Н., Синельникова Е.С.* Понимание и доверие в семье: феномен, функции, критерии // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 114–117.
10. *Кутеева В.П., Соловьева О.А.* Семья как субъект социализации личности // Инженерные технологии и системы. – 2010. – № 2. – С. 191–195.
11. О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902060617 (дата обращения 15.02.2020).
12. *Саралиева З.Х.-М., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е.* Молодая семья в контексте социологии семьи // Личность. Культура. Общество. – 2015. – Т. 17. – № 3–4. – С. 195–206.
13. *Слободчиков В.И.* Антропологический смысл и духовно-нравственные основы се-

мейной жизни // Профилактика зависимостей. – 2017. – № 2(10). – С. 1–8.
14. *Сорокова М.* Математические методы в психолого-педагогических исследованиях: учебное пособие [Электронный ресурс]. – М.: Неолит, 2020. – 216 с. URL: http://psychlib.ru/resource/pdf/documents/SMm-2020/SMm-216.pdf#page=5 (дата обращения: 04.03.2021).
15. *Столин В.В., Романова Т.Л., Бутенко Г.П.* Тест-опросник удовлетворенности браком // Психологические тесты: в 2 т. / Под ред. А.А. Карелина. – М.: Владос, 2000. – Т. 2. – С. 173–179.
16. Федеральная служба государственной статистики / Демография. Браки и разводы [Электронный ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (дата обращения: 12.12.2020).
17. Программа Молодая семья [Электронный ресурс]. URL: http://www.programma-molodaya-semya.ru/ (дата обращения 15.02.2020).
18. *Diener E. et al.* Advances and open questions in the science of subjective well-being // Collabra: Psychology. – 2018. – Vol. 4(1). – P. 15.
19. *Diener E., Oishi S., Tay L.* Advances in subjective well-being research // Nature Human Behaviour. – 2018. – Vol. 2(4). – P. 253–260.
20. *Myers D.G.* Religious engagement and living well / The Social Psychology of Living Well. Ed. by J.P. Forgas, R.F. Baumeister. – N.Y: Routledge, 2018. – P. 137–160.
21. *Myers D.G., Diener E.* The scientific pursuit of happiness // Perspectives on Psychological Science. – 2018. – Vol. 13(2). – P. 218–225.

References

1. Variy M.Y. Zahal'na psykholohiya: navchal'nyy posibnyk. 2-he vydan, vypr i dop. Kyyiv: Tsentr uchbovoyi literatury, 2007: 968 (in Ukrainian).
2. Vasil'yeva OV. Sotsial'noye nastroyeniye kak general'nyy indikator pozitsii sotsial'nogo sub'yekta v obshchestve. Aktual'nyye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya 2017; 1–2(61):48–55 (in Russian).
3. Volkova AM. Osobennosti formirovaniya politicheskoy kul'tury molodezhi v zavisimosti ot tipa sem'i. Vestnik sotsial'no-politicheskikh nauk 2019; 18:5–9 (in Russian).
4. Demograficheskiy yezhegodnik Rossii. 2017: statisticheskiy sbornik / Pod red. G.K. Oksenoyta i dr. [Elektronnyy resurs]. – M.: Rosstat, 2017. – 263 c. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (in Russian).
5. Dubrovina IV. Psikhologicheskaya gotovnost' k semeynoy zhizni kak aspekt samoopredeleniya. Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii. Vyp 2. Pod red AV Makhnacha, KB Zuyeva. Moscow: Institut psikhologii RAN, 2015; 2:86–95 (in Russian).
6. Dukhnovskiy SV. Psikhologiya otnosheniy lichnosti: monografiya. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2014: 380 (in Russian).
7. Dukhnovskiy SV, Ovcharova RV. Garmoniya i disgarmoniya mezhlichnostnykh otnosheniy sub'yektov obrazovatel'nogo protsessa: monografiya. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2012: 296 (in Russian).
8. Kostrova YuA. Kontseptualizatsiya institutsial'nykh kharakteristik molodoy sem'i. Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya 2015; 3(12):24–28 (in Russian).
9. Kunitsyna VN, Sinel'nikova YeS. Ponimaniye i doveriye v sem'ye: fenomen, funktsii, kriterii. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnyye nauki 2012; 3:114–117 (in Russian).
10. Kuteyeva VP, Solov'yeva OA. Sem'ya kak sub'yekt sotsializatsii lichnosti. Inzhenernyye tekhnologii i sistemy 2010; 2:191–195 (in Russian).
11. O Kontseptsii gosudarstvennoy politiki v otnoshenii molodoy sem'i [Elektronnyy resurs]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902060617 (data obrashcheniya 15.02.2020) (in Russian).
12. Saraliyeva ZKh-M, Yegorova NYu, Kutyavina YeYe. Molodaya sem'ya v kontekste sotsiologii sem'i. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo 2015; 17(3–4):195–206 (in Russian).
13. Slobodchikov VI. Antropologicheskiy smysl i dukhovno-nravstvennyye osnovy semeynoy zhizni. Profilaktika zavisimostey 2017; 2(10):1–8 (in Russian).
14. Sorokova M. Matematicheskiye metody v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh: uchebnoye posobiye [Elektronnyy resurs]. Moscow: Neolit, 2020: 216. URL: http://psychlib.ru/resource/pdf/documents/SMm-2020/SMm-216.pdf#page=5 (data obrashcheniya: 04.03.2021) (in Russian).

15. Stolin VV, Romanova TL, Butenko GP. Test-oprosnik udovletvorennosti brakom. Psikhologicheskiye testy: v 2 t. Pod red AA Karelina. Moscow: Vlados, 2000; 2:173–179 (in Russian).
16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Demografiya. Braki i razvody [Elektronnyy resurs]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography (data obrashcheniya: 12.12.2020) (in Russian).
17. Programma Molodaya sem'ya [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.programma-molodaya-semya.ru/ (data obrashcheniya 15.02.2020) (in Russian).
18. Diener E et al. Advances and open questions in the science of subjective well-being. Collabra: Psychology 2018; 4(1):15. doi: 10.1525/collabra.115.
19. Diener E., Oishi S., Tay L. Advances in subjective well-being research. Nature Human Behaviour 2018; 2(4):253–260.
20. Myers D.G. Religious engagement and living well. The Social Psychology of Living Well. Ed by JP Forgas, RF Baumeister. N.Y: Routledge, 2018:137–160.
21. Myers DG, Diener E. The scientific pursuit of happiness. Perspectives on Psychological Science 2018; 13(2):218–225.

HARMONIZATION OF RELATIONSHIPS BETWEEN PARTNERS IN YOUNG MARRIED COUPLES

O.V. VASILIEVA

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Siberian Federal University», Krasnoyarsk

The main results of approbation of the program of harmonization of relationships between partners in young married couples are presented. The position is argued that the concept of «harmonious relations» should be considered as an integrating category that characterizes the positive manifestations of these relations. Harmony is defined as an universal marker of the positive aspects of a person's actions and states, his interaction with himself and with the outside world. The level of satisfaction-dissatisfaction of spouses with marriage, as well as psychological closeness-distance between spouses were used as key indicators of the harmony of relations in a married couple. As a result of empirical research, the effectiveness of the program for harmonizing partner relationships in young married couples was proved, statistically significant differences were revealed between the control and experimental groups in terms of the level of satisfaction with marriage, as well as cognitive, communicative and behavioral intimacy. The effectiveness of the program is ensured by focusing it on two key aspects: updating the spouses' family values and increasing the level of awareness in relationships.

Keywords: family psychology, young family, interpersonal relationships, indicators of the harmony of relationships, satisfaction with marriage, emotional distance, behavioral distance, communicative distance, cognitive distance.

Address:
Vasilieva O.V.,
Assistant of the Department of Sociology,
Siberian Federal University (FGAOU VO SFU), Krasnoyarsk,
E-mail: yyoollyyaa@gmail.com

УДК 159.9

ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ СОВЛАДАНИЯ С ГЕЛОТОФОБИЕЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Е.О. ЗЯТЬКОВА*

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», Томск

Статья посвящена анализу проявления жизнестойкости у студентов (N=235), а также ее взаимосвязи с гелотофобией и стрессом в образовательной среде. Результаты исследования свидетельствуют, что проявление жизнестойкости различается в мужской и женской выборке: юноши (N=137) оказались более устойчивыми к неблагоприятным ситуациям, чем девушки (N=98). Также было установлено, что жизнестойкость способствует снижению стрессовых проявлений, снижает риск возникновения страха насмешки в социально значимых ситуациях и уменьшает влияние негативных факторов, вызывающих страх.

Ключевые слова: жизнестойкость, контроль, принятие риска, вовлеченность, гелотофобия, смех, стресс.

Введение

Происходящие изменения в различных сферах общества (социальной, экономической, духовной, политической) влияют на психологическое здоровье и благополучие человека, а также способствуют риску возникновения стрессов, депрессивных и тревожных состояний, неадекватного поведения и т.д., что приводит к снижению внутренних ресурсов и чувства безопасности человека. Разнообразные факторы окружающей среды, индивидуально-психологические особенности человека, ситуации его взаимодействия с окружающим миром – все это способствует тому, будут ли эти факторы содействовать развитию или, наоборот, снижению жизнестойкости.

Понятие «жизнестойкость» (англ. «hardiness»), введенное американскими психологами Сальваторе Мадди и Сьюзен Кобейса, являлось операционализацией экзистенциального мужества, то есть «мужества быть», которое ввел экзистенциальный философ П. Тиллих [9, 11]. Это экзистенциальное мужество предполагает готовность «действовать вопреки» – вопреки онтологической тревоге, тревоге потери смысла, вопреки ощущению «заброшенности». Именно жизнестойкость позволяет человеку выносить неустранимую тревогу, сопровождающую выбор будущего (неизвестности), а не прошлого (неизменности) в ситуации экзистенциальной дилеммы [7]. Жизнестойкость личности появляется как совокупность взаимосвязанных компонентов (вовлеченность, контроль и принятие риска), которые предоставляют экзистенциональное мужество и мотивацию, для того чтобы превратить стрессовые обстоятельства от потенциальных угроз в рост возможностей, а также способствует совладанию с жизненными трудностями и вместе с этим сохраняет внутреннее равновесие, успешность деятельности и здоровье [2, 12].

Анализируя жизнестойкость как систему убеждений человека, С. Мадди предложил четкий конструкт жизнестойкости, состоящий из трех компонентов:

© Зятькова Е.О., 2021

* **Для корреспонденции:**
Зятькова Екатерина Олеговна
аспирант кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета
E-mail: zyatkova-katya@mail.ru

1. Вовлеченность – убежденность человека в том, что вовлеченность в реальную действительность дает ему возможность найти нечто стоящее и интересное для себя. Человек с развитым компонентом вовлеченности получает удовольствие от собственной деятельности. С другой стороны, если данный компонент недостаточно развит, то в этом случае возникает чувство отвергнутости, ощущение себя «вне» жизни.

2. Контроль – убежденность человека в том, что борьба влияет на результат происходящего как выбор собственной стратегии деятельности в конкретной ситуации. Человек с развитым компонентом контроля чувствует, что самостоятельно выбирает собственную деятельность. В противоположность этому возникает ощущение собственной беспомощности.

3. Принятие риска – убежденность человека в том, что всё, что с ним происходит, необходимо для его развития за счет знаний извлекаемого из полученного опыта, как положительного, так и отрицательного. В основе принятия риска лежит идея развития через активное усвоение знаний из опыта и последующее их использование. Человек для приобретения опыта готов идти на риск, несмотря на отсутствие гарантий успеха, поскольку считает стремление к простому комфорту и безопасности фактором, обедняющим жизнь личности [7, 9].

Однако следует подчеркнуть, что ни один из трех компонентов сам по себе недостаточно представляет необходимое мужество и мотивацию по превращению стрессовых ситуаций в преимущества. Мадди отмечает важность выраженности всех трех компонентов для сохранения здоровья и наиболее приемлемого уровня работоспособности, а также активности в стрессогенных условиях. Поэтому необходимо, чтобы все три компонента взаимодействовали между собой, так как именно это взаимодействие полностью определяет жизнестойкость как диспозицию, которая способствует снижению и более легкому перенесению онтологической тревоги, связанной с выбором будущего. Как раз выбор будущего требует мужества, а без мужества можно систематически выбирать прошлое, которое может привести к регрессу в поиске смысла [7, 8, 11].

Период студенческой жизни является значимым и благоприятным для раскрытия жизнестойкости, так как в этот период начинается самостоятельная жизнь, где формируется четкая жизненная позиция, намечаются профессиональные перспективы и т.д. Однако недостаточное развитие жизнестойкости в студенческой популяции может стать основанием к излишней чувствительности к различным жизненным трудностям, отсутствия стремления к значимым целям, подверженность хроническим стрессам и депрессивным состояниям [2]. Под воздействием проблемных ситуаций, длительного стресса происходит преобразование эмоциональности в эмотивность, образуется трансформация непосредственности и впечатлительности в настороженность и беспокойство, импрессивность переходит в тормозимость, беззащитность становится ранимостью и уязвимостью и, как следствие, возникают эффект сензитивности (высокая эмоциональная чувствительность), а также обидчивость и склонность расстраиваться и переживать [3, 4]. В образовательной среде на фоне инновационного развития студенты часто находятся в стрессовых ситуациях. Также сам процесс обучения может являться основанием для формирования у студентов стресса на фоне оценивания в значимых ситуациях, в результате чего возникает повышенная чувствительность к психотравмирующим ситуациям, которая может повлечь за собой возникновение страхов, что, в свою очередь, ведет к стремлению контролировать свои действия в пугающих ситуациях [4].

Понимание страха, его причин и влияния на студентов может быть важным в образовательной сфере не только для пре-

подавателей, но и для самих студентов, которое может поспособствовать поиску оптимального способа борьбы со своими страхами. Некоторые студенты могут испытывать страх, что над ними будут смеяться, и это состояние известно как гелотофобия. Затруднение в интерпретации положительных сторон смеха в ситуации, где другими студентами или преподавателем делается замечание или комментарий по поводу его знаний в юмористической форме, могут восприниматься как пугающие и вызывать чувство стыда; такие студенты стараются быть более незаметными на занятиях и не участвовать в обсуждениях темы [10].

Гелотофобия была описана немецким психотерапевтом М. Титцем, который заметил, что страх насмешки для некоторых его пациентов оказывает негативный эффект на их социальную жизнь. Он рассматривал гелотофобию как тревогу, связанную со стыдом и входящую в симптомокомплекс социофобии [5, 6]. Стыд трактуется как тип беспокойства, а вот именно возникновение страха стыда, который может изменяться от легкого сигнала до всепоглощающей паники. Насмешки порождают негативные эмоции, такие как стыд или гнев, и большая часть людей не желает испытывать повторно такой опыт и стараются избегать контактов с окружающими, чтобы снова не испытывать такого стыда. Тревога стыда вызвана чувством неполноценности, незащищенности и презрения к себе и, как следствие, может, поспособствовать усилению к самонаблюдению и самоконтролю, для того чтобы избежать неуместного впечатления у других. Гелотофобы уверены, что с ними что-то не так и что они смешны для других. Гелотофобия в своей чрезмерности включает в себя более или менее выраженную параноидальную тенденцию, заметную чувствительность к оскорблениям и социальную изоляцию. Ошибочное истолкование ситуаций, где присутствует юмор, подрывает социальное взаимодействие личности в силу того, что гелотофобы постоянно ожидают презрения и неприятия со стороны окружающих [13–16]. Поэтому исследование компонентов, которые могут поспособствовать вырабатыванию стратегий совладания с гелотофобией в образовательной среде, представляет особую важность, поскольку процесс обучения сопровождается не только психическим напряжением, но и эмоциональными переживаниями в период предпрофессионализации как фактора жизнеосуществления студента.

Целью настоящего исследования являлось изучение жизнестойкости как компонента психологического здоровья у студентов и взаимосвязи с проявлением страха насмешки.

Для решения поставленной цели были определены две задачи. Во-первых, констатировать различия проявления жизнестойкости в мужской и женской выборках. Во-вторых, установить связи между жизнестойкостью и уровнем гелотофобии и стресса.

В рамках решения первой задачи исследовалась гипотетическая модель, что юноши более стойки в стрессогенных условиях. В рамках решения второй задачи тестировалась гипотеза о том, что высокий уровень жизнестойкости способствует формированию стратегий совладания со стрессогенными ситуациями и проявлением гелотофобической симптоматики.

Методика

Выборка исследования составила 235 студентов (137 юношей, 98 девушек) разных вузов г. Томска, очной формы обучения с первого по пятый курс (1 курс – 123 студента, 2 курс – 52 студента, 3 курс – 36 студентов, 4 курс – 10 студентов, 5 курс – 14 студентов) в возрасте от 17 до 26 лет (M=19,29, SD=1,68). Исследование проводилось на базе Томского государственного университета, Томского политехнического

университета, Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Использовались тестовые материалы на бумажных носителях. Студентам предоставлялась информация о процедуре исследования, его цели, предоставлялись инструкции к каждой методике в письменной и устной форме.

Методы исследования:

1. Опросник «Инвентаризация симптомов стресса» (Иванченко с соавт., 1994) предназначен для исследования стрессовых признаков и степени их проявления (Куприянов с соавт., 2012).

2. Шкала гелотофобии «GELOPH-15» В. Руха и Р.Т. Пройера (Русскоязычный вариант Стефаненко, 2011) оценивает страх казаться объектом насмешки.

3. Тест жизнестойкости С. Мадди (Русскоязычный вариант Леонтьев, 2006 [7]) предназначен для диагностики жизнестойкости как системы убеждений личности о себе, мире, отношениях с ним.

Для обработки и анализа данных использовались статистические методы: частотный анализ, корреляционный анализ (ранговый r-критерий Спирмена), t-критерий Стьюдента. Статистический анализ данных проводился в программе Statistica 10.

Результаты и обсуждение

В ходе выполнения эмпирического исследования для выяснения закона распределения величины жизнестойкости и ее компонентов в группе девушек и группе юношей произведён анализ показателей асимметрии и эксцесса. В группе девушек и юношей показатели асимметрии жизнестойкости и ее компонентов (вовлеченность, контроль и принятие риска) находятся в пределах допустимой нормы. Такой анализ в последующем дает возможность провести сравнение средних значений с использованием t-критерия Стьюдента в женской и мужской выборках, который позволил выделить достоверные различия по ряду показателей (табл. 1). Согласно данным, предоставленным в таблице 1, в мужской выборке оказались выше значения показателей шкал «общий балл жизнестойкости» и «контроль» в сравнении с женской выборкой. Таким образом, сравнительный анализ различий (с помощью t-критерия Стьюдента) помог установить, что юноши более жизнестойки в стрессогенных ситуациях, имеют более высокую мотивацию в решении проблем, поиске путей влияния на результаты, даже если возникает ощущение затруднений в определенных обстоятельствах.

Таблица 1

Значение показателей шкал различия по t-критерию в женской и мужской выборках

Методики	Шкалы	Девушки		Юноши		t	df	p
		M	SD	M	SD			
Тест жизнестойкости	Общий балл жизнестойкости	73	19,8	80	19,9	-2,6	233	0,01*
	Вовлеченность	29,6	9,3	31,5	8,7	-1,6	233	0,12
	Контроль	25,4	7,4	29,9	8,4	-4,2	233	0,00*
	Принятие риска	16,9	5,5	17,3	4,9	-0,6	233	0,56

Примечание: M – среднее, SD – среднее квадратичное отклонение; df – число степеней свободы; p – уровень значимости различий, * – p<0,05

На следующем этапе выполнения эмпирического исследования (N=235) из общего балла по методике «Инвентаризация симптомов стресса» и «Шкала гелотофобии «GELOPH-15» были выделены шкалы. Методика «Инвентаризация симптомов стресса» имеет следующие шкалы – отсутствие стресса (низкий уровень 0–30 баллов), подверженность стрессу (средний уровень 31–45 баллов), наличие стресса (повышенный уровень 46–60 баллов) и жизнь в стрессе (высокий уровень 61 балл и выше). По методике «Шкала гелотофобии «GELOPH-15» были выделены такие шкалы, как низкая

(легкая от 0 до 20 баллов), средняя (умеренная от 21 до 40 баллов) и высокая (выраженная от 41 балла и выше) степени гелотофобии. Впоследствии был проведен частотный анализ ответов студентов по вышеописанным методикам. Полученные данные показывают, что в студенческой популяции наибольшая частота ответов по методике «Инвентаризация симптомов стресса» приходится на шкалы: «подверженность стрессу» (52%), «наличие стресса» (39%), «отсутствие стресса» (5%), «жизнь в стрессе» (3%) и 1% не дал ответов. В методике «Шкала гелотофобии «GELOPH-15» наибольшая частота ответов приходится на шкалу «умеренное проявление гелотофобии» (70%), «легкая» (18%), «выраженная» (9%) и 3% не дали ответов (рис. 1).

Рис. 1. Частота ответов проявления страха насмешки у студентов по шкале «GELOPH-15» (слева) и проявление стресса по методике «Инвентаризация симптомов стресса» (справа)

Для оценки взаимосвязи между шкалами гелотофобии и шкалами опросника на инвентаризацию симптомов стресса использовался корреляционный анализ с помощью рангового критерия Спирмена. Полученные результаты показали значимую взаимосвязь между общим и средним баллом гелотофобии с общим баллом стресса ($r=0,516$, $r=0,534$ при $p<0,05$), а также шкалами «подверженность стрессу» ($r=0,373$, $r=0,294$ при $p<0,05$) и «наличие стресса» ($r=0,312$, $r=0,337$ при $p<0,05$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что в образовательной среде наибольшая часть студентов подвержена стрессу (52% от общей выборки) и испытывает стресс (39% от общей выборки), а также имеет среднюю (умеренную) степень выраженности гелотофобии (70% от общей выборки). По результатам корреляции обнаружена значимая взаимосвязь между этими шкалами; можно предположить, что гелотофобическая симптоматика проявляется как страх быть объектом насмешки и сопровождается психическим напряжением и эмоциональными переживаниями в значимой для студента ситуации. Ведь образовательный процесс зачастую сопровождается стрессовыми проявлениями особенно, например, в период сессии или на начальных этапах обучения, когда происходит формирование предпрофессиональных особенностей будущих специалистов.

Следующим шагом исследования являлось проведение корреляционного анализа с помощью рангового критерия Спирмена между уровнем гелотофобии и жизнестойкостью. С помощью данного статистического метода была установлена значимая отрицательная взаимосвязь между общим баллом гелотофобии, а также легкой, умеренной и выраженной степенью проявления гелотофобии – с жизнестойкостью и ее компонентами. Ре-

зультат засвидетельствовал, что не только жизнестойкость значимо отрицательно коррелирует с общим, легким, умеренным и выраженным баллами гелотофобии (r= –0,573, r= –0,314, r= –0,519, r= –0,477 при p<0,05), но и ее компонент – контроль (r= –0,462, r= –0,357, r= –0,409, r= –0,499 при p<0,05). Компонент жизнестойкости – «вовлеченность» значимо отрицательно коррелирует только с общим, умеренным и выраженным баллами гелотофобии (r= –0,536, r= –0,456, r= –0,534 при p<0,05). Компонент жизнестойкости – «принятие риска» значимо отрицательно коррелирует только с общим и умеренным баллом гелотофобии (r= –0,521, r= –0,411 при p<0,05). Также с помощью корреляционного анализа r-Спирмена была выявлена значимая отрицательная связь между общим баллом стресса, а также подверженности стрессу и наличием стресса – и жизнестойкостью и ее компонентами. Итог продемонстрировал при этом, что не только жизнестойкость значимо отрицательно коррелирует с общим баллом стресса, средним (подверженность стрессу) и повышенным (наличие стресса) уровнем стресса (r= –0,614, r= –0,421, r= –0,391 при p<0,05), но и ее компоненты – «вовлеченность» (r= –0,411, r = –0,428 при p<0,05), «контроль» (r= –0,356, r= –0,240 при p<0,05), «принятие риска» (r= –0,222, r= –0,415 при p<0,05). Кроме этого, следует указать на то, что жизнестойкость и ее компоненты не имеют корреляционной связи с низким (отсутствие стресса) и высоким (жизнь в стрессе) уровнем стресса.

Следовательно, нужно заметить, что при высокой жизнестойкости и ее трех компонентов (вовлеченность, контроль, принятие риска) в студенческой выборке данный феномен способствует вырабатыванию стратегии совладания со стрессогенными проявлениями и снижает риск возникновения гелотофобии. Жизнестойкость связана со стойкими переживаниями личностью своих действий, а также событий, которые происходят вокруг нее, – вовлеченность (против отчуждения), то есть не избегать или отрицать тяжелые жизненные ситуации, контроль (против бессилия) результата личностного выбора и решаемых проблем, не избегая их, и принятие риска (против безопасности) усвоения новых знаний и опыта через непосредственное развитие. Кроме того, жизнестойкость сопряжена с превращением трудностей в преимущества посредством надситуативной активности человека в события его выхода за пределы сложившихся установок и поведенческих стереотипов [1, 11].

Заключение

В результате выполненного исследования получены данные, анализ которых позволил заключить, что в образовательной среде большая часть студентов подвержена стрессу и имеет гелотофобическую симптоматику. Однако высокие показатели жизнестойкости и ее компонентов способствуют вырабатыванию стратегий совладания с неблагоприятными условиями несмотря на то, что юноши оказались более устойчивыми к трудным жизненным ситуациям в период обучения в вузе.

Литература

1. *Богомаз С.А., Баланев Д.Ю.* Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. – 2009. – № 32. – С. 23–28.
2. *Боязитова И.В., Эркенова М.М.* Личностные ресурсы как основа жизнестойкости в студенческом возрасте // ВЕЛЕС. – 2018. – № 12-1(66). – С. 77–84.
3. *Бережная М.С., Дебердеева Н.А.* Психическое здоровье в образовательной среде // Безопасная образовательная среда в изменяющихся условиях современного общества: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции, Москва, 01 марта 2017 года / Под научной редакцией О.И. Щербаковой, Л.В. Шукшиной. – М.: ИП Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2017. – С. 107–112.

4. *Зятькова Е.О., Мещерякова Э.И., Ларионова А.В.* Исследование взаимосвязи проявлений гелотофобии студентов с их характерологией // Психология индивидуальных различий: обучение и развитие: Сборник материалов научной конференции молодых ученых в области наук об образовании (Москва, РАО, 28 октября 2019). – М.: Изд-во МТИ. – 2019. – С. 23–26.
5. *Иванова Е.М., Ениколопов С.Н.* Психопатология и чувство юмора // Современная терапия психических расстройств. – 2009. – № 1. – С. 19–24.
6. *Иванова Е.М., Макогон И.К., Стефаненко Е.А., Ениколопов С.Н., Пройер Р.Т., Рух В.* Русскоязычная адаптация опросника гелотофобии, гелотофилии и катагеластицизма PHOPHIKAT // Вопросы психологии. – 2016. – № 2. – С. 162–172.
7. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
8. *Митрофанова Е.Н.* «Два мужества»: к концепции жизнестойкости С. Мадди // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2018. – № 1. – С. 17–26.
9. *Никитина Е.В.* Феномен жизнестойкости: концепция, современные взгляды и исследования // Academy. – 2017. – № 4(19). – С. 100–103.
10. *Bledsoe T.S., Baskin J.J.* Recognizing student fear: The elephant in the classroom // College Teaching. – 2014. – Vol. 62(1) – P. 32–41.
11. *Maddi S.R.* Hardiness: An operationalization of existential courage // Journal of Humanistic Psychology. – 2004. – Vol. 44. – No. 3. – P. 279–298.
12. *Maddi S.R., Harvey R.H., Khoshaba D.M.* The personality construct of hardiness, IV: Expressed in positive cognitions and emotions concerning oneself and developmentally relevant activities // Journal of Humanistic Psychology. – 2009. – Vol. 49. – No. 3. – P. 292–305.
13. *Torres-Marín J., Carretero-Dios H., Acosta A., Lupiáñez J.* Eye contact and fear of being laughed at in a gaze discrimination task // Frontiers in Psychology. – 2017. – Vol. 8. – P. 14. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01954.
14. *Platt T., Ruch W., Hofmann J., Proyer R.T.* Extreme fear of being laughed at: components of gelotophobia // The Israeli Journal of Humor Research. – 2012. – Vol. 1. – No. 1. – P. 86–106.
15. *Ruch W., Hofmann J., Platt T., Proyer R.T.* The state-of-the art in gelotophobia research: A review and some theoretical extensions // Humor – International Journal of Humor Research. – 2013. – Vol. 27(1). – P. 23–45.
16. *Ruch W., Platt T.* The emotions of gelotophobes: Shameful, fearful, and joyless? // Humor – International Journal of Humor Research. – 2009. – Vol. 22(1–2). – P. 91–110.

References

1. Bogomaz SA, Balanev DYu. Zhiznestoykost' kak komponent innovatsionnogo potentsiala cheloveka. Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal 2009; 32:23–28 (in Russian).
2. Boyazitova IV, Erkenova MM. Lichnostnyye resursy kak osnova zhiznestoykosti v studencheskom vozraste. VELES 2018; 12-1(66):77–84 (in Russian).
3. Berezhnaya MS, Deberdeyeva NA. Psikhicheskoye zdorov'ye v obrazovatel'noy srede. Bezopasnaya obrazovatel'naya sreda v izmenyayushchikhsya usloviyakh sovremennogo obshchestva: Sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 01 marta 2017 goda. Pod nauchnoy redaktsiyey OI Shcherbakovoy, LV Shukshinoy. Moscow: IP Afanas'yev Vyacheslav Sergeyevich, 2017: 107–112 (in Russian).
4. Zyat'kova YeO, Meshcheryakova EI, Larionova AV. Issledovaniye vzaimosvyazi proyavleniy gelotofobii studentov s ikh kharakterologiyey. Psikhologiya individual'nykh razlichiy: obucheniye i razvitiye: Sbornik materialov nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh v oblasti nauk ob obrazovanii (Moskva, RAO, 28 oktyabrya 2019). Moscow: Izd-vo MTI 2019: 23–26 (in Russian).
5. Ivanova YeM, Yenikolopov SN. Psikhopatologiya i chuvstvo yumora. Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroystv 2009; 1:19–24 (in Russian).
6. Ivanova YeM, Makogon IK, Stefanenko YeA, Yenikolopov SN, Proyyer RT, Rukh V. Russkoyazychnaya adaptatsiya oprosnika gelotofobii, gelotofilii i katagelastitsizma PHOPHIKAT. Voprosy psikhologii 2016; 2:162–172 (in Russian).
7. Leont'yev DA, Rasskazova YeI. Test zhiznestoykosti. Moscow: Smysl, 2006: 63 (in Russian).

8. Mitrofanova YeN. «Dva muzhestva»: k kontseptsii zhiznestoykosti S Maddi. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskiye i pedagogicheskiye nauki 2018; 1:17–26 (in Russian).
9. Nikitina YeV. Fenomen zhiznestoykosti: kontseptsiya, sovremennyye vzglyady i issledovaniya. Academy 2017; 4(19):100–103 (in Russian).
10. Bledsoe TS, Baskin JJ. Recognizing student fear: The elephant in the classroom. College Teaching 2014; 62(1):32–41.
11. Maddi SR. Hardiness: An operationalization of existential courage. Journal of Humanistic Psychology 2004; 44(3):279–298.
12. Maddi SR, Harvey RH, Khoshaba DM. The personality construct of hardiness, IV: Expressed in positive cognitions and emotions concerning oneself and developmentally relevant activities. Journal of Humanistic Psychology 2009; 49(3):292–305.
13. Torres-Marín J, Carretero-Dios H, Acosta A, Lupiáñez J. Eye contact and fear of being laughed at in a gaze discrimination task. Frontiers in Psychology 2017; 8:14. doi: 10.3389/fpsyg.2017.01954.
14. Platt T, Ruch W, Hofmann J, Proyer RT. Extreme fear of being laughed at: components of gelotophobia. The Israeli Journal of Humor Research 2012; 1(1):86–106.
15. Ruch W, Hofmann J, Platt T, Proyer RT. The state-of-the art in gelotophobia research: A review and some theoretical extensions. Humor – International Journal of Humor Research 2013; 27(1):23–45.
16. Ruch W, Platt T. The emotions of gelotophobes: Shameful, fearful, and joyless? Humor – International Journal of Humor Research 2009; 22(1–2):91–110.

HARDINESS AS A COMPONENT OF COPING WITH GELOTOPHOBIA IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

E.O. ZYATKOVA

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «National Research Tomsk State University», Tomsk

The article is devoted to the analysis of the manifestation of hardiness in students (N=235), as well as its relationship with gelotophobia and stress in the educational environment. The results of the study indicate that the manifestation of hardiness differs in the male and female sample: young men (N=137) turned out to be more resistant to unfavorable situations than girls (N=98). It was also found that hardiness helps to reduce stressful manifestations, reduces the risk of fear of ridicule in socially significant situations and reduces the influence of negative factors that cause fear.

Keywords: hardiness, control, risk acceptance, involvement, gelotophobia, laugh, stress.

Address:
Zyatkova E.O.
Postgraduate student of the Department of Psychotherapy and Psychological Consulting, Tomsk State University.
E-mail: zyatkova-katya@mail.ru

УДК 159.9

ФОРМИРОВАНИЕ ВРЕМЕННО́Й ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННЫХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

Н.П. ШИЛОВА*

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор), Москва

В статье представлены результаты исследования динамики в формировании временно́й перспективы в юношеском возрасте. Выборку составили 1538 человек от 14 до 28 лет. Применялась методика незаконченных предложений Ж. Нюттена. Было показано, что подростки, юноши и девушки рассматривают свое будущее с точки зрения социальной жизни, вписывая свое будущее в рамки социальных институтов, тогда как молодежь возраста молодости или возникновения взрослости уже строит свое будущее, соотнося его в целом с предстоящей жизнью и руководствуясь принципом «сегодня и ежедневно». Юноши и девушки, использующие содержательную мотивацию «идеальные объекты» в качестве значимой темпоральной характеристики, оперируют периодом исторического будущего, а те, которые чаще употребляют содержательную характеристику «Я сам», используют период профессионального обучения.

Ключевые слова: юношеский возраст, возрастные особенности, временная перспектива, юноши и девушки, будущее.

Введение

Время и временная перспектива будущего часто становятся предметом психологических исследований. Одной из причин такого большого внимания к пониманию времени является отсутствие возможности у человека контролировать объективное время. При том, что способность контролировать собственное психологическое время многими учеными связывается с развитием личности человека (К.А. Абульханова-Славская, Е.И. Головаха, К. Левин, В.С. Мухина и др.). Человек в своем развитии стремится соотносить себя настоящего с собой в прошлом и будущем. К. Левин, говоря о «временной протяженности» психологического настоящего в жизненном пространстве, определяет временную перспективу как существующую в настоящий момент целостность видения индивидом своего психологического будущего и своего психологического прошлого [9].

Таким образом, временная перспектива будущего рассматривается как целостный конструкт, включающий в себя настоящее и прошлое человека. Наиболее значимым в этом конструкте является будущее человека. В теории Ж. Нюттена будущее представляет собой пространство мотивации, и у той мотивации есть темпоральные (временные) и содержательные характеристики. Будущее для него – это психологическое пространство, в котором создается поведение человека и происходит его развитие, а потребности личности подвергаются когнитивной переработке в отдельные цели и поведенческие схемы [12]. И.В. Дубровина, придерживаясь той же идеи, пишет, что временная перспектива будущего «является ментальной проекцией мотивационной сферы человека» и «представляет собой в разной мере осознанные надежды, планы, проекты, стремления, опасения, притязания, связанные с более или менее отдаленным будущим» [15].

Временная перспектива будущего имеет принципиальное значение для изучения

© Шилова Н.П., 2021

* **Для корреспонденции:**
Шилова Наталья Петровна,
канд. психол. наук, заместитель начальника Управления Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор)
E-mail: npshilova@outlook.com

юношеского возраста. В юношеском возрасте происходит увеличение временной перспективы, а выбор профессии и получение профессионального образования может пониматься как первая идеальная цель, которую можно и нужно воплотить в жизнь самостоятельно, хотя школа и семья достаточно активно участвуют в формировании представлений о будущем у юношей и девушек [2, 3]. Так, М.Р. Гинзбург рассматривает проблему самоопределения с точки зрения временной перспективы как отношение личности к психологическому настоящему и психологическому будущему и выделяет два типа будущего – временное (хронологическое) и смысловое (психологическое) будущее [7]. В исследовании Л. Феррари было доказано, что существует значимая взаимосвязь между временной перспективой и неопределенностью профессионального выбора, где подростки со структурированной концепцией времени действуют уверенно и осознанно по отношению к будущему и более активно вовлечены в профессиональное самоопределение [16]. Е.И. Головаха в исследовании взаимосвязи жизненных целей и планов с ценностными ориентациями также выявил негативное влияние несогласованности жизненной перспективы на процесс самоопределения в юношестве [8].

Руководствуясь идеей взаимосвязи временной перспективы будущего и достижением учебных целей в молодом возрасте, современные зарубежные ученые значительно продвинулись в качественных описаниях представлений о будущем в юношестве [18, 19, 20, 21, 22]. Так, согласно их выводам, долговременные учебные цели мотивируют студентов к ежедневным занятиям, то есть чем дальше простирается временная перспектива, тем большее количество учебных целей встречается [18]. Юноши и девушки, ориентированные на будущее, используют более эффективную стратегию саморегуляции в обучении, лучше планируют свое учебное время, чаще обладают карьерной зрелостью (эффективны в карьерном планировании, в принятии решений). При этом молодые люди, которые в большей степени ориентированы на отдаленное будущее, имеют больше целей, связанных с самореализацией, саморазвитием; а студенты, ориентированные на ближайшее будущее, в большей степени указывают цели, связанные с материальными благами и свободным времяпрепровождением [17]. Следовательно, временная перспектива будущего описывает области воображаемого будущего: степень, в которой человек связан со своим будущим, скорость, с которой воображаемые события движутся навстречу человеку в его восприятии, и насколько далеко в будущее направлены мысли человека. Сбалансированная же временная ориентация ведет личность к восприятию себя как агента по планированию жизненных событий и связыванию будущего с настоящим в одно непрерывное целое.

Н.Н. Толстых, проведя большое количество исследований временной перспективы будущего у испытуемых подросткового и юношеского возраста, выделила два, важных с точки зрения нашего исследования, факта. Первый факт состоит в том, что доминирующим фактором, определяющим характер временных перспектив, является социокультурный контекст, то есть планы, желания и опасения отдельного человека соответствуют тем историческому времени и общественному строю, которые совпали с юными годами человека. Второй факт заключается в том, что вариативность временных перспектив в подростковом и юношеском возрасте зависит от темпоральных, а не от содержательных параметров мотивации [13], то есть вариативность путей развития отдельной личности в юношеском возрасте зависит от того, какими временными рамками он ограничивает свою временную перспективу.

Социокультурные изменения в нашей стране, влияющие на развитие временной перспективы в юношестве, связываются некоторыми исследователями с постепенной переориентацией системы ценностных доминант юношей и девушек с публичной на приватную сферу [10]. Кроме того, согласно данным, полученным Н.Н. Толстых, у рос-

сийских старшеклассников снижена мотивация к учебе и растет мотивация, связанная с будущей взрослой жизнью. Что касается содержательной мотивации, то чаще у подростков и старшеклассников встречаются высказывания, связанные с собственной личностью [13]. К окончанию вуза, согласно исследованию Н.И. Трубниковой, у юношей и девушек преобладает средняя временная перспектива. В этот период (от 1 года до 3 лет) они планируют реализоваться в профессиональной деятельности. Содержательная же перспектива состоит в получении высшего образования, что дает своего рода «путевку в жизнь», в обретении материального благополучия, обусловленного социально-экономическими условиями и ценностями общества, и в создании семьи [14].

Резюмируя выводы, полученные коллегами, можно отметить, что в юношеском возрасте увеличение временной перспективы связано с количеством учебных целей и развитием самореализации личности. Вариативность временных перспектив при этом зависит от темпоральных характеристик мотивации: сначала формируется дальняя временная перспектива, а затем – средняя.

Целью настоящего исследования явилось изучение динамики формирования временной перспективы в течение юношеского возраста. Нами было предположено, что в течение юношеского возраста происходит смена ведущей темпоральной характеристики будущего.

Методика

Выборка исследования. Были исследованы особенности формирования временной перспективы будущего у юношей и девушек от 14 до 28 лет. В соответствии с основами культурно-исторической психологии и современными тенденциями в психологических исследованиях взросления, в этот период попадает старший подростковый возраст, ранний юношеский и поздний юношеский возрасты, возраст молодости или возникновения взрослости [3, 4, 5, 6]. Общее количество респондентов, участвующих в исследовании, составило 1538 человек: из них 610 юношей и 928 девушек. Все испытуемые были разделены на четыре возрастные группы: респонденты возрастом 14 лет, возрастом от 15 до 18 лет, 19–23 года и 24–28 лет. Выборка формировалась по принципу «снежного кома». Мы рассылали в образовательные организации России по электронной почте ссылку на исследование и просили привлечь как можно большее количество участников.

Описание метода. Исследование проводилось при помощи методики незаконченных предложений для определения временной перспективы Ж. Нюттена. В использованной интерпретации методики было 20 фраз, сформулированных в положительной форме с применением положительных индукторов типа «Я хочу...», «Я надеюсь...», и 10 фраз типа «Я не хочу…», «Я боюсь…», основанных на отрицательных индукторах. Испытуемые должны были закончить фразу и как можно больше написать о своих желаниях. Длина и построение фразы не имели значения.

Обработка фраз строилась по временному коду и коду анализа содержания Ж. Нюттена [12, 13]. При этом мы руководствовались его идеей о том, что в некоторых выборках отдельные категории анализа могут отсутствовать. Поэтому на первом этапе анализа было необходимо выделить те категории, которые явились значимыми для нашей выборки.

Для кодировки временных характеристик Ж. Нюттен использует два типа символов: в категориях периодов календарного времени и в категориях периодов социальной и биологической жизни субъекта, разделяя социальную жизнь человека на три части: период обучения, взрослости (продуктивной жизни), старости. В периоде обучения наши испытуемые выделяли две части – школа и профессиональное образование после школы, в периоде взрослости – профессиональную автономию и работу.

Ж. Нюттеном вводится также символ «жизнь» для обозначения тех временных характеристик, которые относятся ко всему пе-

риоду предстоящей жизни или которые нельзя точнее локализовать. В рамках этих временных характеристик испытуемые выделяли периоды «открытое настоящее» и «историческое будущее». Открытое настоящее выделяется в тех случаях, когда человек пишет о своем желании обладать какими-то качествами, свойствами, умениями (например, быть красивым, умным, уметь в совершенстве говорить по-английски), которое в определенном смысле не ограничено во времени, «сегодня и ежедневно». «Историческое будущее» обозначает период, связанный не только с жизнью отдельного человека, но и с жизнью людей, всего человечества («Чтобы никогда не было войны»).

По коду анализа содержания высказываний юношей и девушек в исследовании использовались четыре основные категории объектов, выделяемых Ж. Нюттеном: «Я сам» (человек, завершающий неоконченные предложения); другие люди (мать, отец, друзья, любимая девушка, просто люди); объекты природы; различные идеальные объекты и понятия (например, наука, идеология, свобода, независимость, то есть идеалы, тесно связанные с потребностями, лежащими в основе собственного развития и автономии субъекта).

Для обеспечения валидности анализ полученных фраз проводился тремя экспертами – психологами и педагогами, кандидатами наук. Каждой фразе присваивался код в соответствии с кодами, предложенными Ж. Нюттеном. В случае расхождения в интерпретации полученных данных результаты обсуждались коллегиально для принятия финальной оценки.

Статистическая обработка данных осуществлялась при помощи программного пакета «SPSS» (версия 21.0). Для проведения анализа все полученные данные, закодированные экспертами, перекодировались в дихотомические со значением «0» (отсутствие признака) и «1» (наличие признака), затем суммировалось количество упоминаний для получения частоты употребления той или иной характеристики отдельным человеком по всей методике. Корреляционный анализ проведен при помощи коэффициента корреляции Пирсона, поскольку обе переменные измерены по интервальной шкале. Далее проводился дисперсионный анализ ANalysis Of VAriance (ANOVA), в рамках которого сравнивалось использование испытуемыми временных промежутков в незаконченных предложениях в зависимости от их возраста. Дисперсионный анализ был выбран нами для того, чтобы сравнить группы по средним показателям и дисперсии ответов.

Результаты и обсуждение

Возрастная динамика в изменении представлений юношей и девушек о временных характеристиках перспективы будущего наблюдалась нами относительно их представлений о периодах «обучение в школе», «профессиональное образование после школы», «профессиональная автономия, работа» и «открытое настоящее». Выявленная динамика представлена на рисунке 1.

Опираясь на проведенный анализ, мы фиксируем, что сбалансированная временная перспектива позволяет увязать будущее с настоящим в соответствии с тем, насколько далеко в будущее направлены мысли человека. Согласно нашим данным, период «обучение в школе» актуален для подростков и в юности про него уже не говорят. Период профессионального обучения больше всего важен для раннего юношеского возраста. Период «профессиональная автономия, работа» становится наиболее значимым в позднем юношеском возрасте. Период «открытое настоящее» наибольшую значимость получает в возрасте молодости и начала взрослости.

Эти данные подтверждают выводы исследования Н.Н. Толстых о том, что современные юноши и девушки возраста 15–18 лет, в отличие от подростков, реже рассматривают период учебы в школе, и выводы Н.И. Трубниковой, согласно которым, в позднем юношеском возрасте повышается значимость периода профессиональной деятельности.

Для подтверждения наших выводов мы провели дисперсионный анализ, который показал значимость возрастных отличий в изучаемых временных характеристиках. В таблице 1 представлены результаты дисперсионного анализа различий в формировании временной перспективы будущего в возрастных группах по коду времени.

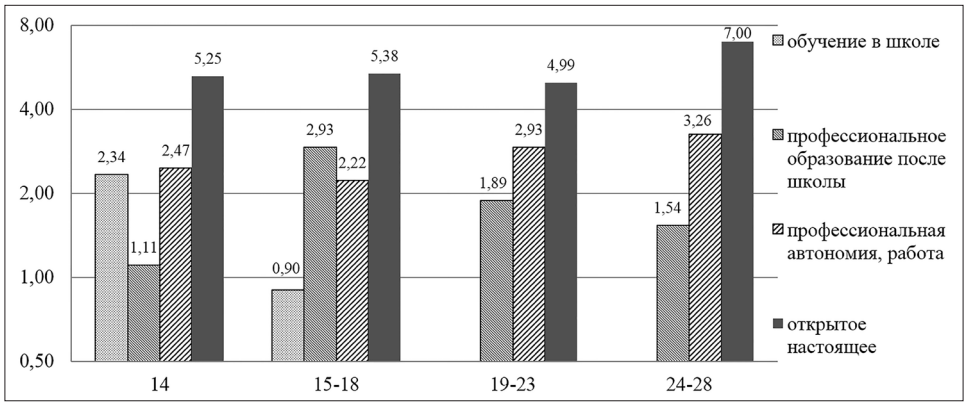


Рис. 1. Возрастная динамика в изменении представлений о временных характеристиках перспективы будущего (n=1538)

Таблица 1

Сравнение показателей темпоральных характеристик временной перспективы и возраста испытуемых (Tukey Post-Hoc Test для дисперсионного анализа ANOVA) (n=1538)

Возрастная группа		Значимость «обучение в школе»	Значимость «профессиональное образование после школы»	Значимость «профессиональная автономия, работа»	Значимость «открытое настоящее»
14	15–18	0,000**	0,000**	0,912	0,989
	19–23	0,000**	0,316	0,672	0,945
	24–28	0,000**	0,843	0,345	0,006**
15–18	14	0,000**	0,000**	0,912	0,989
	19–23	0,000**	0,003*	0,045*	0,578
	24–28	0,002*	0,002*	0,021*	0,000**
19–23	14	0,000**	0,316	0,672	0,945
	15–18	0,000**	0,003*	0,045*	0,578
	24–28	0,999	0,860	0,858	0,000**
24–28	14	0,000**	0,843	0,345	0,006**
	15–18	0,002*	0,002*	0,021*	0,000**
	19–23	0,999	0,860	0,858	0,000**

Условные обозначения: * – p<0,05, ** – p<0,01

Подростки рассматривают свое будущее, используя, в отличие от других возрастных групп, период времени внутри своего социального института (F(3;766)=26,021, p=0,000), юноши и девушки возраста ранней юности рассматривают свое будущее в периоде жизни, который связан с профессиональным образованием (F(3;766)=11,434, p=0,000). Период жизни, связанный с профессиональной автономией и работой, становится более значимым в возрасте поздней юности (F(3;766)=4,267, p=0,005). Молодые люди возраста молодости и возникновения взрослости, обсуждая временную перспективу будущего, говорят категориями событий, которые не ограничены во времени, а характеризуются метафорой «сегодня и ежедневно» (F(3;766)=6,980, p=0,000).

Независимо от времени локализации, в пространстве будущего у респондентов

присутствуют преимущественно содержательные мотивации «Я сам» и «идеальные объекты». Результаты дисперсионного анализа, показывающего значимость различий в использовании содержательных мотиваций, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сравнение показателей содержательных характеристик временной перспективы и возраста испытуемого (Tukey Post-Hoc Test для дисперсионного анализа ANOVA) (n=1538)

Возрастная группа		Значимость «Я сам»	Значимость «идеальные объекты»
14	15–18	1,000	0,287
	19–23	0,032*	0,000**
	24–28	0,140	0,006**
15–18	14	1,000	0,287
	19–23	0,000**	0,000**
	24–28	0,028*	0,057
19–23	14	0,032*	0,000**
	15–18	0,000**	0,000**
	24–28	0,990	0,959
24–28	14	0,140	0,006**
	15–18	0,028*	0,057
	19–23	0,990	0,959

Условные обозначения: * – p<0,05, ** – p<0,01

Дисперсионный анализ продемонстрировал, что использование содержательной характеристики «Я сам» подростками, юношами и девушками до 19 лет значимо чаще других групп (F(3;747)=7,262, p=0,000). Использование содержательной мотивации «идеальные объекты» при проектировании временной перспективы будущего чаще статистически значимо встречается у юношей и девушек старше 19 лет (F(3;747)=8,997, p=0,000).

Рассуждая о будущем, юноши и девушки связывают период профессионального обучения с самим собой как важной содержательной мотивацией своей временной перспективы (r=0,309, при p<0,01), а период исторического будущего в качестве значимой темпоральной характеристики связывается с наукой, религией, миром (r=0,438, при p< 0,01), но не связывается с самим собой (r=0,300, при p<0,01). Юноши и девушки, для которых период профессионального обучения является важной темпоральной характеристикой их временной перспективы, выделяют себя как объект мотивации своей временной перспективы. Соответственно юноши и девушки, выделяющие историческое будущее как значимую темпоральную характеристику, скорее считают внешние «идеалы» (такие как наука, религия, мир, страна) важными содержательными объектами собственной мотивации, нежели собственную личность.

В исследовании Н.Н. Толстых, оформленном в 2010 году, указано, что учеба для школьников не имеет мотивационного значения [13]. Проведенное нами исследование выявило сфокусированность на периоде времени учебы в школе при построении перспективы будущего современными подростками, что указывает на существенные изменения в значимости учебы во временной перспективе будущего, произошедшие за последние десять лет. Этот вопрос, на наш взгляд, требует проведения дополнительного исследования.

Сохраняющийся фокус на периоде времени профессионального обучения при построении перспективы будущего в ранней юности и на периоде времени профессиональной автономии в поздней юности подтверждает, что основные требования общества к юношеству в нашей стране мало изменились за последнее столетие. Юноши (де-

вушки) принимают эти требования, стараясь сначала определиться с профессией и затем найти работу. Это показывает важные отличия от выводов западных исследователей, которые акцентируют внимание на развитии сбалансированной и далекой временной перспективы в юношестве, и подтверждает выводы Н.И. Трубниковой о том, что представители юношества скорее ориентируются на среднюю временную перспективу [14].

Фокус на открытом настоящем, то есть в целом на всем периоде жизни, при построении перспективы будущего молодыми людьми предполагает, что после 24-летнего возраста изменяется сам взгляд на будущее. В отличие от младших возрастов, в возрасте молодости или возникновения взрослости время собственного будущего воспринимается как продолжение настоящего, что можно метафорично назвать как «сегодня и всегда». Соответственно этот возраст начинает новый тип возрастного развития, основанного на видении собственного будущего, завершая переход во взрослость.

Заключение

Полученные в исследовании данные позволяют зафиксировать следующие важные выводы о формировании перспектив собственного будущего в юношеском возрасте:

- Во-первых, с точки зрения социальной жизни, подростки, юноши и девушки рассматривают в основном свое будущее с точки зрения социального института.
- Во-вторых, молодые люди возраста молодости или возникновения взрослости, обсуждая временную перспективу будущего, используют категории событий, которые не ограничены во времени и характеризуются метафорой «сегодня и ежедневно».
- И, в-третьих, содержательная мотивация в формировании будущего подростков и юношей и девушек возраста ранней юности связывается ими с собственной личностью, а у юношей и девушек поздней юности и возраста молодости или возникновения взрослости – с идеальными объектами. При этом содержательная мотивация «идеальные объекты» связывается с периодом исторического будущего, а содержательная характеристика «Я сам» – с периодом профессионального обучения.

Результаты работы дают возможность определить крупные периоды в динамике формирования временной перспективы, показывающие направления в развитии перспективы будущего, на основании которых можно инициировать последующие исследования с изучением кейсов в каждом отдельном возрастном периоде.

Литература

1. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. – СПб.: Алетейя, 2001. – 304 с.
2. *Бочавер А.А., Хломов К.Д., Корнеев А.А., Жилинская А.В.* Как подростки слышат советы родителей о будущем? // Социальная психология и общество. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 157–174. doi: 10.17759/sps.2019100212.
3. *Васильева Н.П.* Динамика юношеского возраста. – Красноярск: Издательство СФУ, Федеральное агентство по образованию, Сибирский федер. ун-т, Ин-т естественных и гуманитарных наук, 2007. – 102 с.
4. *Выготский Л.С.* Педология подростка. Половое созревание. – М.: Издание бюро заоч. обуч. при 2 МГУ, 1930. – 172 с.
5. *Выготский Л.С.* Проблема возраста. Вопросы детской психологии. – СПб.: Союз, 1997. – 224 с.
6. *Выготский Л.С.* Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-пресс, 2000. – 1008 с.
7. *Гинзбург М.Р.* Жизненные планы как проявление личностного самоопределения старшеклассников / Психологические условия формирования социальной ответственности школьников: Сб. науч. тр. Под ред. М.Р. Гинзбурга, Л.А. Радзиховского. – М.: АПН СССР, 1987. – С. 18–22.
8. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. – Киев: Наукова думка, 1984.
9. *Левин К.* Теория поля в социальных науках / Пер. с англ. Е. Сурпина. – СПб: Сенсор, 2000. – 368 с.
10. *Магун В., Энговатов М.* Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий

молодежи (1985–2005) // Отечественные записки. – 2006. – № 30(3). – С. 85.
11. *Мухина В.С.* Личность. Мифы и реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург: Интел Флай, 2007. – С. 700.
12. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
13. *Толстых Н.Н.* Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: автореферат дис. … доктора психол. наук. – М., 2010. – 54 с.
14. *Трубникова Н.И.* Временная перспектива как важнейший компонент жизненного самоопределения // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 5(24). – С. 137–138.
15. Формирование личности старшеклассника / Под ред. И.В. Дубровиной. НИИ общ. и пед. психологии АПН СССР. – М.: Педагогика, 1989. – 169 с.
16. *Ferrari L., Nota L. & Sorest S.* Time perspective and indecision in young and older adolescents // British Journal of Guidance & Counselling. – 2010. – Vol. 38. – No. 1. – P. 61–82.
17. *Lens W., Paixao M.P., Herrera D., Grobler A.* Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation // Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now. – 2012. – Vol. 54. – No. 3. – P. 321–333.
18. *Kauffman D.F., Husman J.* Effects of time perspective on student motivation: Introduction to a special issue // Educational Psychology Review. – 2014. – Vol. 16. – No. 1. – P. 1–7. doi: 10.1023/B:EDPR.0000012342.37854.58.
19. *Nuttin J., Lens W.* Future time perspective and motivation: Theory and research method. – Mahwah, NJ: Erlbaum Hillsdale, 1985. – 236 p.
20. *Pichayayothin N.B.* Investigating Balanced Time Perspective in Adults across the Life Span. West Virginia University. ProQuest Dissertations & Theses Global. – Morgantown, 2014. – 115 p. URL: http://search.proquest.com/docview/1652478548?accountid=35419 [Электронный ресурс]: (дата обращения: 15.12.2015).
21. *Seginer R.* Adolescent future orientation: An integrated cultural and ecological perspective // Online Readings in Psychology and Culture. – 2003. – Vol. 6. – No. 1. – Art. 5. URL: http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol6/iss1/5/ [Электронный ресурс] (дата обращения: 15.12.2015). doi: 10.9707/2307-0919.1056.
22. *Shirai T., Nakamura T., Katsuma K.* Time orientation and identity formation: Long-term longitudinal dynamics in emerging adulthood // Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now. – 2012. – Vol. 54. – No. 3. – P. 274–284.

References

1. Abul'khanova KA, Berezina TN. Vremya lichnosti i vremya zhizni. St. Petersburg: Aleteyya, 2001: 304 (in Russian).
2. Bochaver AA, Khlomov KD, Korneyev AA, Zhilinskaya AV. Kak podrostki slyshat sovety roditeley o budushchem? Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo 2019; 10(2):157–174. doi: 10.17759/sps.2019100212 (in Russian).
3. Vasil'yeva NP. Dinamika yunosheskogo vozrasta. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo SFU, Federal'noye agentstvo po obrazovaniyu, Sibirskiy feder un-t, In-t yestestvennykh i gumanitarnykh nauk, 2007: 102 (in Russian).
4. Vygotskiy LS. Pedologiya podrostka. Polovoye sozrevaniye. Moscow: Izdaniye byuro zaoch obuch pri 2 MGU, 1930: 172 (in Russian).
5. Vygotskiy LS. Problema vozrasta. Voprosy detskoy psikhologii. St. Petersburg: Soyuz, 1997: 224 (in Russian).
6. Vygotskiy LS. Psikhologiya. Moscow: Izd-vo EKSMO-press, 2000: 1008 (in Russian).
7. Ginzburg MR. Zhiznennyye plany kak proyavleniye lichnostnogo samoopredeleniya starsheklassnikov. Psikhologicheskiye usloviya formirovaniya sotsial'noy otvetstvennosti shkol'nikov: Sb nauch tr. Pod red MR Ginzburga, LA Radzikhovskogo. Moscow: APN SSSR, 1987: 18–22 (in Russian).
8. Golovakha YeI, Kronik AA. Psikhologicheskoye vremya lichnosti. Kiyev: Naukova dumka, 1984 (in Russian).
9. Levin K. Teoriya polya v sotsial'nykh naukakh. Per s angl Ye Surpina. St. Petersburg: Sensor, 2000: 368 (in Russian).
10. Magun V, Engovatov M. Dinamika prityazaniy i izmeneniye resursnykh strategiy molodezhi (1985–2005). Otechestvennyye zapiski 2006; 30(3):85 (in Russian).
11. Mukhina VS. Lichnost'. Mify i real'nost' (Al'ternativnyy vzglyad. Sistemnyy podkhod.

Innovatsionnyye aspekty). Yekaterinburg: Intel Flay, 2007: 700 (in Russian).
12. Nyutten Zh. Motivatsiya, deystviye i perspektiva budushchego. Pod red DA Leont'yeva. Moscow: Smysl, 2004: 608 (in Russian).
13. Tolstykh NN. Razvitiye vremennoy perspektivy lichnosti: kul'turno-istoricheskiy podkhod: avtoreferat dis … doktora psikhol nauk. Moscow, 2010: 54 (in Russian).
14. Trubnikova NI. Vremennaya perspektiva kak vazhneyshiy komponent zhiznennogo samoopredeleniya. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya 2010; 5(24):137–138 (in Russian).
15. Formirovaniye lichnosti starsheklassnika. Pod red IV Dubrovinoy. NII obshch i ped psikhologii APN SSSR. Moscow: Pedagogika, 1989: 169 (in Russian).
16. Ferrari L, Nota L & Sorest S. Time perspective and indecision in young and older adolescents. British Journal of Guidance & Counselling 2010; 38(1):61–82.
17. Lens W, Paixao MP, Herrera D, Grobler A. Future time perspective as a motivational variable: Content and extension of future goals affect the quantity and quality of motivation. Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now 2012; 54(3):321–333.
18. Kauffman DF, Husman J. Effects of time perspective on student motivation: Introduction to a special issue. Educational Psychology Review 2014; 16(1):1–7. doi: 10.1023/B:EDPR.0000012342.37854.58.
19. Nuttin J, Lens W. Future time perspective and motivation: Theory and research method. Mahwah, NJ: Erlbaum Hillsdale, 1985: 236.
20. Pichayayothin NB. Investigating Balanced Time Perspective in Adults across the Life Span. West Virginia University. ProQuest Dissertations & Theses Global. Morgantown, 2014: 115. URL: http://search.proquest.com/docview/1652478548?accountid=35419 [Electronic resource]: (date of access: 15.12.2015).
21. Seginer R. Adolescent future orientation: An integrated cultural and ecological perspective. Online Readings in Psychology and Culture 2003; 6(1): Art 5. URL: http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol6/iss1/5/ [Electronic resource]: (date of access: 15.12.2015). doi: 10.9707/2307-0919.1056.
22. Shirai T, Nakamura T, Katsuma K. Time orientation and identity formation: Long-term longitudinal dynamics in emerging adulthood. Japanese Psychological Research. Special issue: Time perspective study now 2012; 54(3):274–284.

FORMATION OF THE TIME PERSPECTIVE OF MODERN BOYS AND GIRLS

N.P. SHILOVA

Federal Service for Supervision in Education and Science (Rosobrnadzor), Moscow

The article presents the results of a study of dynamics in the formation of a time perspective in adolescence. The sample consisted of 1538 people from 14 to 28 years old. The technique of unfinished sentences by J. Nutten was used. It was shown that adolescents, boys and girls view their future from the point of view of social life, inscribing their future in the framework of social institutions, while young people of the age of youth or the emergence of adulthood are already building their future, correlating it as a whole with the future life and being guided by the principle «today and every day». Young men and women who applay the meaningful motivation «ideal objects» as a significant temporal characteristic operate with a period of the historical future, and those who more often utilize the meaningful characteristic «I myself» use the period of professional training.

Keywords: adolescence, age characteristics, time perspective, boys and girls, future.

Address:
Shilova N.P., Ph.D.,
Deputy Head of Department, Federal Service
for Supervision of Education and Science
of the Russian Federation, Moscow,
E-mail: npshilova@outlook.com

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ДИАДИЧЕСКИХ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ СУПРУГОВ В БЕЗДЕТНЫХ СЕМЬЯХ

Р.И. КАРИМОВА*, И.А. АГЕЕВА

Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан

Проведенное исследование позволило получить ряд данных о взаимосвязи межсупружеских отношений и диадического копинга. Было показано, что степень удовлетворенности браком, качество общения в семье, степень социально-психологической дистанции, преобладание / нехватка положительных чувств между супругами с разным типом диадического копинга отличаются.

Ключевые слова: межсупружеские отношения, диадический копинг, удовлетворенность браком, психологическая дистанция, общение в семье.

Введение

Семья – это один из древнейших и сложнейших социальных институтов, который является совокупным результатом взаимодействия факторов социального и природного, индивидуального и общественного, единичного и общего характера. Представляя собой сложную систему отношений, она объединяет не только супругов, но и их детей, а также других родственников или просто близких супругам людей. Ядром же семьи являются супружеские отношения.

Именно в семье супруги могут получить поддержку, благодарность друг к другу, доверие, любовь и уважение. Семья – это то место, где создаются условия для личностного роста, происходит формирование здоровой и адекватной личности.

Поначалу основными причинами сближения супругов является чувство комфорта и удовлетворения, которое они испытывают в обществе друг друга. Постепенно супружеская пара формирует определенную систему отношений с уникальными стилевыми особенностями, которые дают ей ощущение эмоционального и социального благополучия. Еще до появления в семье детей супруги, как правило, успевают осознать потребности, которые их объединяют, а также разобраться в требованиях, которые предъявляет к ним социальное окружение [15].

По мнению К.Г. Юнга, Т.В. Андреевой, О.А. Карабановой и др. брак – это психологическое взаимоотношение, которое представляет собой чрезвычайно сложную структуру, образованную целым рядом субъективных и объективных факторов, которые носят, в основном, юридический и социальный характер [3, 8, 20]. Брак объединяет спектр различных чувств, ожиданий, паттернов, стереотипов поведения, а также ролевые и коммуникативные особенности своих членов [9, 16].

Другими словами, супружество в психологии понимается как духовное, психологическое взаимодействие супругов, притяжение, которое превращает их в единое целое, что создает равновесие в паре и совершенство как в супружеской жизни, так и в карьерном росте.

К сожалению, не все супружеские союзы стабильны. Вопросами изучения семьи, в том

© Каримова Р.И., Агеева И.А., 2021

* **Для корреспонденции:**
Каримова Разият Ибрагимовна
Выпускница факультета психологии Кыргызско-Российского Славянского университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан
E-mail: karimova.raziyat@gmail.com

числе и межсупружескими отношениями, занимались многие известные ученые-психологи, такие как: Т.В. Андреева, Е.М. Королева, Т.Л. Крюкова, В.В. Столин, Ю.Е. Алешина, А.Б. Добрович, Т.А. Федорова и другие.

Вопрос стабильности супружеских отношений в значительной мере исследовался в области семейных отношений в функциональных и дисфункциональных семьях [19], либо на различных стадиях жизненного цикла семьи [1, 18], либо в связи с совладанием семей с трудными жизненными ситуациями [12, 23].

По словам G. Bodenmann и A.K. Randall, именно повседневный стресс оказывает выраженное влияние на диадическое взаимодействие, удовлетворенность отношениями и вероятность развода [5, 23]. В связи с этим важно в супружеских отношениях владеть навыками использования конструктивных копингов.

Первые шаги в исследовании диадического копинга были осуществлены в начале 1990-х годов. На начальных этапах исследования данный феномен изучался как индивидуальные усилия партнеров в контексте семейных отношений. То есть, по сути, здесь говорится не о совместных преодолениях трудностей, а о совладании на уровне одного индивида как нечто независимое от другого партнера [25, 27].

Другая группа исследователей рассматривает совладающий копинг в роли процесса, который объединяет и распределяет ресурсы обоих супругов в ответ на образовавшуюся проблему или изменившуюся ситуацию [13, 14, 22].

Дальнейшие исследования продемонстрировали, что пары, использующие конструктивный диадический копинг, более удовлетворены своим браком. Это объясняется тем, что данные типы копинга уменьшают эмоциональное напряжение, разрешают конфликтные ситуации конструктивными путями [9, 10, 14, 24, 26].

Однако следует отметить, что диадический копинг играет не только положительную роль в динамике супружеских отношений. Кроме конструктивного (положительного) диадического копинга, который усиливает чувство взаимного доверия, надежности, участия и преданности, существует и деструктивный (негативный) диадический копинг.

В результате использования негативного диадического копинга у супругов возникает желание физически избегать партнера, возрастают попытки избегать открытого общения. У супругов усиливается чувство отвергнутости, партнеры ощущают себя брошенными, общение становится деструктивным, что ведет к эмоциональному дистанцированию супругов [10, 14, 24, 26].

Иначе говоря, диадический копинг играет огромную роль в динамике супружеских отношений. Именно поэтому диадическое совладание может как стабилизировать супружеские отношения, увеличивая удовлетворенность браком, так и дестабилизировать их, в том числе, и привести к разрыву/распаду супружеской пары.

Исходя из вышесказанного, целью настоящего исследования явилось изучение взаимосвязи межсупружеских отношений и диадического копинга.

Было выдвинуто предположение, что качество межсупружеских отношений обусловлено взаимосвязью конструктивности общения, степени проявления положительных чувств, дистанцированности между супругами, удовлетворенности браком с типом стратегий диадического копинга.

Методика

Выборка исследования: 60 человек, состоящих в браке и не имеющих детей – 27 мужчин и 33 женщины. Большую часть участников исследования составляли молодые люди в возрасте от 20 до 25 лет (11 мужчин и 17 женщин), а меньшую часть участников исследования составляли лица в возрасте от 36 до 40 лет (3 мужчин и 5 женщин).

Супружеские отношения в этом возрастном периоде проходят несколько ступеней. Первая – добрачная, ступень медового месяца

и молодой семьи. В период добрачных отношений важным является приобретение умения общаться с потенциальным супругом, а также определение с выбором брачного партнера. На второй ступени главным представляется овладение навыками решения вопросов быта, создание близости в отношениях, достижение согласованности функциональных ролей. На третьем этапе супруги принимают решение о рождении первенца, осваивают родительские навыки и стили воспитания [4].

База исследования: использовали Google Forms для исследования целевой аудитории. Режим доступа: https://forms.gle/wZhHaj7HBH1vJJ4s6.

Исследование проводилось в онлайн формате с 1 февраля по 25 февраля 2021 года. Ввиду карантинных мер бланки методик были внесены в Google Forms для исследования целевой аудитории и отправлены респондентам. В программе для администрирования опросов были точно указаны инструкции ко всем методикам. Перед началом тестирования у участников было получено информированное согласие, заключающееся в том, что для принятия решения об участии в психологическом исследовании респондентам была предоставлена полная информация о предстоящем исследовании.

Инструмент и процедура. При разработке программы исследования упор делался на полисистемный подход [15].

В работе был использован психодиагностический метод, включающий в себя следующие опросники и методики: авторскую анкету; тест-опросник «Удовлетворенность браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко; опросник диадического копинга (DCI) Г. Боденманна, адаптация О.А. Екимчик, Т.Л. Крюковой; методику «Общение в семье» Ю.Е. Алешиной, Л.Я. Гозмана, Е.М. Дубовской; методику «Определение социально-психологической дистанции» С.В. Духновского [2, 6, 7, 17].

Обработка полученных данных проводилась с помощью пакета статистических программ IBM SPSS for Windows 22.0.

Результаты и обсуждение

В исследовании принимали участие 69 респондентов. После завершения сбора данных была проведена проверка правильности заполнения бланков ответов. В результате проверки были исключены не до конца заполненные бланки ответов 9 человек. В связи с этим в исследуемую выборку вошли 60 человек.

Перед началом анализа была проведена проверка распределения данных. Было установлено, что распределение не является нормальным, что определяло использование соответствующих критериев.

Выборка была разделена на две группы на основании данных, полученных с помощью опросника «Диадического копинга»:

- 1-я группа состояла из 34 респондентов, использующих поддерживающий, делегированный и общий тип диадического копинга.
- 2-я группа состояла из 26 респондентов, использующих негативный тип диадического копинга.

Вся последующая обработка полученного материала проводилась с учетом выделенных групп.

Данные, полученные с помощью опросника DCI, позволили выявить, какой диадический копинг, по мнению респондентов, используют их партнеры (табл. 1).

Таблица 1

Средние значения по шкалам опросника DCI в двух группах

Тип копинга, применяемый партнером	I – группа (N=34)	II – группа (N=26)	U	p
	M	M		
Поддерживающий диадический копинг партнера	20,12	11,31	24	<0,01
Делегированный диадический копинг партнера	7,74	5,04	73,5	<0,01
Негативный диадический копинг партнера	9,79	13	139,5	<0,01
Общий диадический копинг	20,56	12,43	60	<0,01

Как следует из таблицы 1, респонденты первой группы считают, что их супруги используют положительные типы диадического копинга: поддерживающий, делегированный и общий (p<0,01). То есть, по мнению респондентов, обследованные ими супруги активно участвуют в разрешении стрессовых ситуаций, поддерживают внимание к ним и помогают справляться с ними. Тогда как участники второй группы предполагают, что изученные ими партнеры используют негативный тип диадического копинга, и в стрессовых ситуациях стараются избегать их.

Помимо этого, группы респондентов на высоком уровне достоверности (p<0,01) различаются между собой в оценке диадического копинга и общения во время стресса. Об этом свидетельствует статистически значимое различие в общем балле DCI (p<0,01). Другими словами, представители первой группы активно участвуют в разрешении стрессовых ситуаций. Они довольны поддержкой своего партнера и их совместным совладанием со стрессом и тем, что общение во время стресса направлено на совместное преодоление стрессовых ситуаций.

Активного участия в разрешении стрессовых ситуаций представители второй группы не проявляют. Они не совсем довольны используемым типом диадического копинга, не считают его эффективным в разрешении проблем и стрессовых ситуаций. При этом они стараются избегать своего партнера и не проявляют инициативы в преодолении стрессовых ситуаций.

Таблица 2

Средние значения показателей шкалы опросника «Удовлетворенность браком» В.В. Столина, Т.Л. Романовой, Г.П. Бутенко в двух группах

Показатель	I – группа (N=34)	II – группа (N=26)	U	p
	M	M		
Удовлетворенность / неудовлетворенность браком	33,79	24,08	27,500	<0,01

Данные, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что существуют различия на высоком уровне достоверности (p<0,01) в степени удовлетворенности браком у респондентов в двух группах: участники первой группы в большей степени удовлетворены своим браком, в то время как респонденты второй группы скорее не удовлетворены своим браком.

Результаты, полученные с помощью методики «Определение социально-психологической дистанции», позволили оценить степень близости (отдаленности) между супругами, обусловленной пониманием, доверием, положительным чувственным тоном и возможностью совместного времяпровождения. Статистически достоверные различия (p<0,01) были получены по всем шкалам (табл. 3).

Таблица 3

Средние значения по шкалам методики «Определение социально-психологической дистанции» в двух группах

Шкалы	I – группа (N=34)	II – группа (N=26)	U	p
	M	M		
Когнитивная дистанция	56,32	37,85	11	<0,01
Коммуникативная дистанция	56,91	41,38	13,5	<0,01
Эмотивная дистанция	58,26	46,12	0	<0,01
Поведенческая и деятельностная дистанция	51,32	40,19	15	<0,01

Иначе говоря, для участников первой группы характерно стремление понять и принять личностные характеристики партнера. Этому способствуют знания о психологических особенностях своего супруга, которые используются также для регуляции межличностных отношений и достижения гармонии друг с другом. Они доверяют партнеру, готовы передавать, получать и хранить информацию и сведения, представляющие личностную значимость. Также они стремятся устанавливать близкие чувственные, доверительные и уважительные отношения с партнером. В связи с указанным представители этой группы способны осуществлять совместно многие виды деятельности. Длительное совместное времяпровождение не доставляет им напряжения, не приводит к учащению конфликтности в отношениях,

Напротив, участники второй группы отличаются значительной дистанцированностью по отношению друг к другу. Между супругами наблюдается отсутствие взаимопонимания в отношениях и отсутствие общего смыслового поля, а также они не знают и не принимают психологические особенности партнера. В принятии решений они больше полагаются на себя. Возможно это – проявление осторожности в установлении близких отношений с партнером. Помимо этого, у участников второй группы преобладают негативные чувства, а также отчужденность и эмоциональная холодность в отношениях с партнером и нежелание осуществлять что-либо совместно.

Данные, полученные с помощью методики «Общение в семье» (табл. 4), дали возможность исследовать доверительность общения в супружеской паре, сходство во взглядах, общность символов, взаимопонимание супругов, легкость общения и установить статистически значимые различия между группами по указанным переменным (p<0,01).

Таблица 4

Средние значения по шкалам методики «Общение в семье» в двух группах

Шкалы	I – группа (N=34)	II – группа (N=26)	U-критерия Манна – Уитни	P
	Среднее значение	Среднее значение		
Доверительность общения				
Оценка, данная себе	3,59	2,27	49	<0,01
Оценка, данная супругу	3,35	2,19	55	<0,01
Взаимопонимание				
Оценка, данная себе	3,68	2,27	38,5	<0,01
Оценка, данная супругу	3,59	2,27	49	<0,01
Сходство взглядов	3,35	2,42	121	<0,01
Общие символы семьи	2,97	2,15	117	<0,01
Легкость общения	3,68	2,31	44	<0,01
Психотерапевтичность общения	3,59	2,27	49	<0,01

Было установлено, что респонденты, использующие положительные типы диадического копинга, более искренни в общении, легко и свободно чувствуют себя в присутствии супруга, а также доверяют друг другу самые глубокие и заветные тайны, не боясь непринятия и осуждения. Участники первой группы не только правильно понимают то, что они говорят друг другу, но и «правильно читают» позы, взгляды, жесты, выражения лица.

Достоверно было констатировано, что у участников исследования первой группы в общении присутствуют общие символы, которые могут выступать в самой разной форме, – это свой, никому другому не понятный язык, наличие ласковых прозвищ и обращений, семейные традиции и обряды. Межличностное общение у респондентов первой группы способствует созданию комфортной и интимной атмосферы в семье.

Во второй группе был получен совсем иной результат: участники этой группы мало что говорят своим супругам, боясь быть непонятыми. Некоторые из них не распознают невербальные сигналы своего супруга. Возможно, это одна из причин непонимания друг друга. У участников второй группы присутствие общих символов выражено слабо. Межличностное общение у респондентов второй группы не способствует созданию комфортной и интимной атмосферы в семье.

Из этого следует, что у участников, использующих положительные типы диадического копинга, общение более конструктивное, нежели у респондентов, применяющих негативный тип диадического копинга.

Анализ данных авторской анкеты показал, что участники, использующие положительные типы диадического копинга, важными критериями в браке считают любовь и симпатию, искренность и открытость в общении, а также посвященность семье. Участники первой группы хорошо понимают своих супругов, высоко оценивают привлекательность партнера, разделяют общие интересы, доверяют своему супругу и испытывают сильное чувство любви к нему ($p<0,01$ – $p<0,05$).

Участники исследования, использующие негативный тип диадического копинга, важными критериями брака рассматривают стабильность, финансовую поддержку и сексуальное удовольствие. Они испытывают раздражение и усталость в присутствии своего супруга, затрудняются в оценке привлекательности супруга, не разделяют общих интересов со своим партнером. Чувство доверия и любви у них по отношению к супругу менее выражено ($p<0,01$ – $p<0,05$).

Для исследования внутригрупповых взаимосвязей между показателями шкал различных методик и с целью углубления понимания взаимосвязей межсупружеских отношений и диадического копинга был проведен корреляционный анализ.

В первой группе проведенный корреляционный анализ выявил взаимосвязь: между показателем степени удовлетворенности браком и общими баллами диадического копинга ($r=0,621$; $p\leq0,01$); между всеми компонентами социально-психологической дистанции – когнитивная дистанция ($r=0,848$; $p\leq0,01$), коммуникативная дистанция ($r=0,852$; $p\leq0,01$), эмотивная дистанция ($r=0,860$; $p\leq0,01$), поведенческая дистанция ($r=0,858$; $p\leq0,01$) и общим баллом диадического копинга; между всеми компонентами общения – взаимопонимание (оценка, данная себе $r=0,616$; $p\leq0,01$), (оценка, данная супругу $r=0,639$; $p\leq0,01$), доверительность (оценка, данная себе $r=0,557$; $p\leq0,01$), (оценка, данная супругу $r=0,503$; $p\leq0,01$), сходство взглядов ($r=0,412$; $p\leq0,01$), общие символы семьи ($r=0,422$; $p\leq0,01$), легкость общения ($r=0,767$; $p\leq0,01$), психотерапевтичность общения ($r=0,589$; $p\leq0,01$) и общим баллом диадического копинга. Иначе говоря, чем больше выраженность данных диадических копингов, тем выше степень удовлетворенности браком и ближе дистанция между супругами в когнитивной, коммуникативной, эмотивной и поведенческой сфере, а также чем выше выраженность поддерживающего, общего и делегированного диадического копинга, тем более конструктивным становится супружеское общение.

Последующий проведенный корреляционный анализ продемонстрировал во II группе взаимосвязь только между показателями взаимопонимание (оценка данная супругу $r= -0,402$; $p<0,05$) и общим баллом диадического копинга. Другими словами, чем выше выраженность негативного диадического копинга, тем меньше взаимопонимания в супружеских отношениях.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать следующее. Участники первой группы, использующие положительные типы диадического копинга (поддерживающий, делегированный, общий), довольны поддержкой своего партнера и их совместным совладанием со стрессом, а также считают его очень эффективным. Участники второй группы, использующие негативный тип диадического копинга, не совсем довольны применяемыми копинг-стратегиями, они

не считают их эффективными. В разрешении стрессовых ситуаций поддержки от своего партнера зачастую не получают.

Участники первой группы, использующие положительные стратегии диадического копинга (поддерживающий, общий, делегирующий) удовлетворены браком. В этих семьях между супругами была установлена минимальная дистанцированность в когнитивной, коммуникативной, эмотивной и поведенческой сфере. Между супругами значительно выражены доверительность общения, взаимопонимание, сходство взглядов, общие символы семьи, легкость и психотерапевтичность общения. Важными критериями в браке они считают любовь и симпатию, искренность и открытость в общении, а также посвященность семье. Участники первой группы хорошо понимают своих супругов, высоко оценивают привлекательность партнера, разделяют общие интересы, доверяют своему супругу и испытывают сильное чувство любви к нему.

Участники второй группы, использующие негативные стратегии диадического копинга, не удовлетворены своим браком. В этих семьях между супругами была установлена значительная дистанцированность в когнитивной, коммуникативной, эмотивной и поведенческой сфере. Такие же показатели, как доверительность общения, взаимопонимание, сходство взглядов, общие символы семьи, легкость и психотерапевтичность общения, слабо выражены. Важными критериями брака они считают стабильность, финансовую поддержку и сексуальное удовольствие. Представители этой группы испытывают раздражение и усталость в присутствии своего супруга, затрудняются в оценке привлекательности супруга, не разделяют общих интересов со своим партнером, а чувство доверия и любви имеют среднюю выраженность.

Проведенный корреляционный анализ показал, что:

- в первой группе удовлетворенность, дистанцированность, компоненты общения взаимозависимы с конструктивными стратегиями диадического копинга;
- во второй группе была установлена негативная взаимосвязь показателей взаимопонимания между супругами и деструктивными стратегиями диадического копинга.

Иными словами, настоящее исследование установило, что качество межсупружеских отношений у участников исследования, использующих конструктивные стратегии диадического копинга (поддерживающий, общий, делегирующий), носит позитивный характер, обусловленный доверительностью общения, взаимопониманием и сходством взглядов супругов.

Качество межсупружеских отношений у участников исследования, использующих деструктивные стратегии диадического копинга, носит негативный характер, обусловленный низким уровнем взаимопонимания в супружеских отношениях.

Литература

1. *Алешина Ю.Е.* Цикл развития семьи: исследования и проблемы // Психология семьи: хрестоматия / Ред. Д.Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 2007. – С. 92–110.
2. *Алешина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М.* Социально-психологические исследования супружеских отношений. – М., 1987.
3. *Андреева Т.В.* Семейная психология: Учеб. пособие. – СПб.: Речь, 2004. – 244 с.
4. *Головей А.Л.* Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Юрайт, 2018. – 413 с.
5. *Дорьева Е.А., Королева Е.М.* Факторы сохранения и завершения (распада) близких отношений: обзор современных психологических исследований [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2015. – № 4. – С. 112–116. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-sohraneniya-i-zaversheniya-raspada-blizkih-otnosheniy-obzor-sovremennyh-psihologicheskih-issledovaniy (дата обращения: 2.03.2021).
6. *Духновский С.В.* Психология отношений личности: монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 380 с.

7. *Екимчик О.А., Крюкова Т.Л.* Диадический копинг в российских парах: исследование психометрических качеств. Опросника диадического совладания Г. Боденманна // Психологические исследования. – 2017. – Т. 10. – № 55. – С. 4. URL: http://psystudy.ru.
8. *Карабанова О.А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
9. *Королева Е.М.* Роль диадического копинга для положительной динамики супружеских (партнерских) отношений: дис. ... канд. психол. наук. – Кострома, 2018. – 181 с.
10. *Королева Е.М., Крюкова Т.Л., Екимчик О.А.* Диадический копинг и динамика партнерских отношений на их начальном этапе [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2016. – № 3. – С. 116–120. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/diadicheskiy-koping-i-dinamika-partner skih-otnosheniy-na-ih-nachalnom-etape (дата обращения: 12.02.2021).
11. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 294 с.
12. КрюковаТ.Л., Сапоровская М.В., Куфтяк Е.В. Психология семьи: жизненные трудности и совладание с ними. – СПб.: Речь, 2005. – 240 с.
13. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения в разные периоды жизни. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – 294 с.
14. *Куфтяк Е.В.* Концепция семейного совладания: основные положения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 5(16). – Режим доступа: http://medpsy.ru (дата обращения: 22.02.2021).
15. *Ломов Б.Ф.* О системном подходе в психологии / В кн.: Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – С. 77–91.
16. *Прохорова О.Г.* Основы психологии семьи и семейного консультирования: Учебно-методическое пособие по курсу / Под общей редакцией В.С. Торохтий. – М., 2005. – 398 с.
17. *Сидоров И.В.* Супружеские отношения, как часть семейных отношений, их типология [Электронный ресурс] // Педагогика и психология: тренды, проблемы, актуальные задачи. – 2016. – № 10. – С. 12–28. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25504644 (дата обращения: 15.02.2021).
18. *Столин В.В. Романова Т.Л., Бутенко Г.П.* Опросник удовлетворенности браком // Вест. Моск. ун-та. сер. 14. Психология. – 1984. – № 2. – С. 54–60.
19. *Шавшаева М.В.* Содержание жизненного цикла развития семьи на каждом этапе брака [Электронный ресурс] // Вестник науки и образования. – 2017. – № 7(31). – С. 70–72. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-zhiznennogo-tsikla-razvitiya-semi-na-kazhdom-etape-braka (дата обращения: 01.02.2021).
20. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкий В.В.* Психология и психотерапия семьи. – СПб.: Питер, 2009. – 672 с.
21. *Юнг К.Г.* Сознание и бессознательное. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 544 с.
22. *Bodenmann G.* Dyadic coping and its significance for marital functioning / In T. Revenson, K. Kayser, & G. Bodenmann (Eds.). Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping. – 2005. – P. 33–50. URL: https://psycnet.apa.org/record/2005-02705-002 (дата обращения: 25.03.2021).
23. *Bodenmann G., Randall A.K.* Common factors in the enhancement of dyadic coping // Behavior Therapy. – 2012. – Vol. 43. – P. 88–98. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22304881/ (дата обращения: 13.02.2021).
24. *Falconier M.K., Jackson J.B., Hilpert P., & Bodenmann G.* Dyadic coping and relationship satisfaction: A meta-analysis // Clinical Psychology Review. – 2015. – Vol. 42. – P. 28–46. URL: https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.07.002 (дата обращения: 10.02.2021).
25. *Pearlin L.I., & Schooler C.* The structure of coping // Journal of Health and Social Behavior. – 1978. – Vol. 19(1). – P. 2–21. – URL: https://doi.org/10.2307/2136319 (дата обращения: 18.02.2021).
26. *Rusu P.P., Nussbeck F.W., Leuchtmann L., Bodenmann G.* Stress, dyadic coping, and re-

lationship satisfaction: A longitudinal study disentangling timely stable from yearly fluctuations / PLoS ONE. – 2020. – Vol. 15(4). – e0231133. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231133 (дата обращения: 10.02.2021).
27. *Wolf W.* Alltagsbelastungen und partnerschaft. Daily hassles and close relationship. – Bern: Huber, 1987 (дата обращения: 17.02.2021).

References

1. Aleshina YuYe. Tsikl razvitiya sem'i: issledovaniya i problemy. Psikhologiya sem'i: khrestomatiya. Red DYa Raygorodskiy. Samara: Bakhrakh-M, 2007: 92–110 (in Russian).
2. Aleshina YuYe, Gozman LYa, Dubovskaya YeM. Sotsial'no-psikhologicheskiye issledovaniya supruzheskikh otnosheniy. Moscow, 1987 (in Russian).
3. Andreyeva TV. Semeynaya psikhologiya: Ucheb. posobiye. St. Petersburg: Rech', 2004: 244 (in Russian).
4. Golovey AL. Psikhologiya razvitiya i vozrastnaya psikhologiya: uchebnik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata. 2-ye izd., ispr. Moscow: Izd-vo Yurayt, 2018: 413 (in Russian).
5. Dor'yeva YeA, Koroleva YeM. Faktory sokhraneniya i zaversheniya (raspada) blizkikh otnosheniy: obzor sovremennykh psikhologicheskikh issledovaniy [Elektronnyy resurs]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika 2015; 4:112–116. Rezhim dostupa: https://cyberlenin ka.ru/article/n/faktory-sohraneniya-i-zaversheniya-raspada-blizkih-otnosheniy-obzor-sovremennyh-psihologicheskih-issledovaniy (data obrashcheniya: 2.03.2021) (in Russian).
6. Dukhnovskiy SV. Psikhologiya otnosheniy lichnosti: monografiya. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2014: 380 (in Russian).
7. Yekimchik OA, Kryukova TL. Diadicheskiy koping v rossiyskikh parakh: issledovaniye psikhometricheskikh kachestv. Oprosnika diadicheskogo sovladaniya G Bodenmanna.Psikhologicheskiye issledovaniya 2017; 10(55):4. URL: http://psystudy.ru (in Russian).
8. Karabanova OA. Psikhologiya semeynykh otnosheniy i osnovy semeynogo konsul'tirovaniya: Uchebnoye posobiye. Moscow: Gardariki, 2005: 320 (in Russian).
9. Koroleva YeM. Rol' diadicheskogo kopinga dlya polozhitel'noy dinamiki supruzheskikh (partnerskikh) otnosheniy: dis ... kand psikhol nauk. Kostroma, 2018: 181 (in Russian).
10. Koroleva YeM, Kryukova TL, Yekimchik OA. Diadicheskiy koping i dinamika partnerskikh otnosheniy na ikh nachal'nom etape [Elektronnyy resurs]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika 2016; 3:116–120. Rezhim dostupa: https://cyberleninka.ru/article/n/diadicheskiy-koping-i-dinamika-partner skih-otnosheniy-na-ih-nachalnom-etape (data obrashcheniya: 12.02.2021) (in Russian).
11. Kryukova TL. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznyye periody zhizni. Kostroma: KGU im NA Nekrasova, 2010: 294 (in Russian).
12. KryukovaTL, Saporovskaya MV, Kuftyak YeV. Psikhologiya sem'i: zhiznennyye trudnosti i sovladaniye s nimi. St. Petersburg: Rech', 2005: 240 (in Russian).
13. Kryukova TL. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznyye periody zhizni. Kostroma: KGU im NA Nekrasova, 2010: 294 (in Russian).
14. Kuftyak YeV. Kontseptsiya semeynogo sovladaniya: osnovnyye polozheniya [Elektronnyy resurs]. Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektron nauch zhurn. 2012; 5(16). Rezhim dostupa: http://medpsy.ru (data obrashcheniya: 22.02.2021) (in Russian).
15. Lomov BF. O sistemnom podkhode v psikhologii. V kn: Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii. Moscow: Nauka, 1984: 77–91 (in Russian).
16. Prokhorova OG. Osnovy psikhologii sem'i i semeynogo konsul'tirovaniya: Uchebno-metodicheskoye posobiye po kursu. Pod obshchey redaktsiyey VS Torokhtiy. Moscow, 2005: 398 (in Russian).
17. Sidorov IV. Supruzheskiye otnosheniya, kak chast' semeynykh otnosheniy, ikh tipologiya [Elektronnyy resurs]. Pedagogika i psikhologiya: trendy, problemy, aktual'nyye zadachi 2016; 10:12–28. Rezhim dostupa: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25504644 (data obrashcheniya: 15.02.2021) (in Russian).
18. Stolin VV Romanova TL, Butenko GP. Oprosnik udovletvorennosti brakom. Vest Mosk un-ta ser 14. Psikhologiya 1984; 2:54–60 (in Russian).

19. Shavshayeva MV. Soderzhaniye zhiznennogo tsikla razvitiya sem'i na kazhdom etape braka [Elektronnyy resurs]. Vestnik nauki i obrazovaniya 2017; 7(31):70–72. Rezhim dostupa: https://cyberlenin ka.ru/article/n/soderzhanie-zhiznennogo-tsikla-razvitiya-semi-na-kazhdom-etape-braka (data obrashcheniya: 01.02.2021) (in Russian).
20. Eydemiller EG, Yustitskiy VV. Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i. St. Petersburg: Piter, 2009: 672 (in Russian).
21. Yung KG. Soznaniye i bessoznatel'noye. St. Petersburg: Universitetskaya kniga, 1997: 544. (in Russian).
22. Bodenmann G. Dyadic coping and its significance for marital functioning. In T Revenson, K Kayser, & G Bodenmann (Eds). Couples coping with stress: Emerging perspectives on dyadic coping 2005:33–50. URL: https://psycnet.apa.org/record/2005-02705-002 (date of access: 25.03.2021).
23. Bodenmann G, Randall A.K. Common factors in the enhancement of dyadic coping. Behavior Therapy 2012; 43:88–98. URL: https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/22304881/ (date of access: 13.02.2021).
24. Falconier MK, Jackson JB, Hilpert P, & Bodenmann G. Dyadic coping and relationship satisfaction: A meta-analysis. Clinical Psychology Review 2015; 42:28–46. URL: https://doi.org/10.1016/j.cpr.2015.07.002 (date of access: 10.02.2021).
25. Pearlin LI, & Schooler C. The structure of coping. Journal of Health and Social Behavior 1978; 19(1):2–21. URL: https://doi.org/10.2307/2136319 (date of access: 18.02.2021).
26. Rusu PP, Nussbeck FW, Leuchtmann L, Bodenmann G. Stress, dyadic coping, and relationship satisfaction: A longitudinal study disentangling timely stable from yearly fluctuations / PLoS ONE 2020; 15(4):e0231133. URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0231133 (date of access: 10.02.2021).
27. Wolf W. Alltagsbelastungen und partnerschaft. Daily hassles and close relationship. Bern: Huber, 1987 (date of access: 17.02.2021).

FEATURES OF DYADIC COPING STRATEGIES OF SPOUSES IN CHILDLESS FAMILIES

R.I. KARIMOVA, I.A. AGEEVA

Kyrgyz-Russian Slavic University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

The study made it possible to obtain a number of data on the relationship between intermarital relations and dyadic coping. It was shown that the degree of satisfaction with marriage, the quality of communication in the family, the degree of socio-psychological distance, the prevalence / lack of positive feelings between spouses with different types of dyadic coping differ.

Keywords: intermarital relations, dyadic coping, satisfaction with marriage, psychological distance, family communication.

Address:
Karimova R.I.
A graduate of Psychology Department of the Kyrgyz-Russian
Slavic University named by the first President of Russia B.N. Eltsin,
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: karimova.raziyat@gmail.com

УДК 159.9

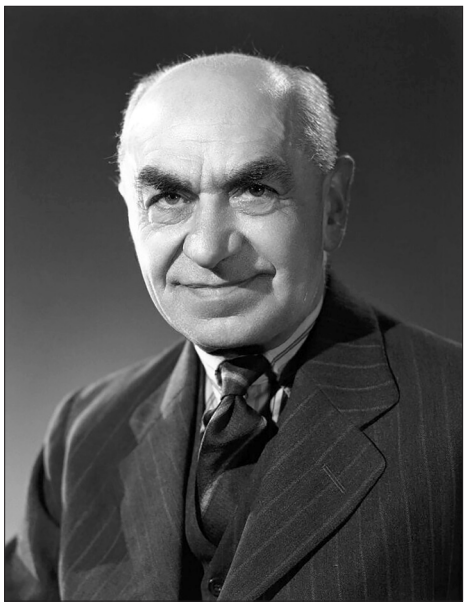
К АНАЛИЗУ ТВОРЧЕСТВА АНГЛИЙСКОГО ПСИХОЛОГА ФРЕДЕРИКА БАРТЛЕТТА

В.С. ВОРОБЬЕВ*, Т.Б. МАЛЫХ

ФГБНУ Психологический институт РАО, Москва

В статье проанализировано творчество выдающегося английского психолога Фредерика Бартлетта (1886–1969). Прослежен его жизненный путь, рассмотрено формирование его научных интересов, с обращением внимания на вклад в изучение проблем памяти. Проведен подробный анализ его ключевых произведений.

Ключевые слова: история психологии, английская школа, Фредерик Бартлетт.



Введение.

Есть проблемы в психологии, которые не теряют своей актуальности, несмотря на значительный прогресс знаний. К ним относится и проблема памяти, которая неизменно ставится перед новыми поколениями специалистов. В ряду психологов, внесших существенный вклад в ее изучение, заметное место занимает Фредерик Бартлетт (1886–1969) – видный представитель британской психологической школы. Есть все основания периодически проводить ретроспективные оценки итогов деятельности тех или иных исследователей прошлого, даже не обязательно в плане приуроченности к какой-либо памятной дате (хотя в этом году имеется формальная некруглая дата 135-летия со дня рождения). Тем более, что в отношении Бартлетта имеется некоторая недооценка со стороны историков науки – неангличан. На родине внимание к ученому держалось и держится постоянно на высоком уровне: и при жизни, и позднее.

Новаторская концепция схемы, генерированная Бартлеттом применительно к основам памяти в 1920-х годах, своевременно не утвердилась на фоне господства бихевиоризма в психологической науке. К тому же она рушила привычные идеи Германа Эббингауза, на которых воспитывались многочисленные новые и новые работники, приходившие в психологию и опиравшиеся на формализованный анализ (бессмысленный слог, метод пропущенных слов и др.). Вдобавок довольно большое количество психологов – современников Бартлетта – не принимало его взглядов из принципиальных соображений (критика усилилась особенно после смерти ученого). В противоположность этим консервативным возражениям Бартлетт провозглашал примат более глубокой осмысленности в изучении памяти, основанной на актив-

© Воробьев В.С., Малых Т.Б., 2021

* **Для корреспонденции:**
Воробьев Вадим Сергеевич
к.м.н., научный сотрудник ПИ РАО
E-mail: vorob_vs@mail.ru

ном сознании. Он говорил, что «объединение некоего воспринятого со специальной установкой, очевидно, оказывается активным процессом… Я бы так назвал этот фундаментальный процесс объединения воспринятого с некоторой устанавливающей схемой: активность, наступающая за пониманием».

Ему удалось экспериментально доказать, что процесс запоминания является не репродуктивным, а конструктивным и основан на создании внутреннего образа (схемы) окружающей среды. Бартлетт обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Такие стереотипные фоновые знания он называл схемами.

Несмотря на некоторые исторические сложности с адекватной и своевременной оценкой деятельности Бартлетта спустя 50 лет от осуществленного им прорыва в области решения проблем памяти его имя было «реабилитировано» в мировом масштабе и оказало подобающее влияние на когнитивную психологию и другие области. Что касается России, то на фоне общего неприятия в ней психологии в 1940–1950-х годах имя Бартлетта также было оттеснено на задний план (об этом свидетельствует и единственный перевод на русский язык его научно-популярной книги 1959 года) [1].

Краткая биография.

Фредерик Чарльз Бартлетт родился в октябре 1886 года в небольшом городке графства Глостершир. Семья была среднего достатка. Фредерик в детстве болел плевритом, что отразилось на процессе регулярного обучения. Ему пришлось много заниматься самообразованием. По окончании колледжа Святого Иоанна в Кембридже он начал работать в лаборатории психологии. С тех пор его научная жизнь была связана с Кембриджем. Он возглавил здесь в 1922 г. после отставки Майерса лабораторию психологии, где трудился до 1951 года – до выхода на пенсию. С 1924 по 1948 гг. был редактором British Journal of Psychology. В Англии Бартлетт сравнительно рано был удостоен высокого признания. С 1931 г. он стал профессором экспериментальной психологии в Кембриджском университете. В 1932 году был избран членом Лондонского Королевского общества (редкое признание для психолога), а в 1948 г. ему присвоили дворянское звание (был посвящен в рыцари и получил право именоваться «сэр»). Впоследствии был избран в зарубежные академии и в почетные члены научных обществ. Скончался он в сентябре 1969 г.

Бартлетт дважды менял направление своих научных интересов. Первоначально он отказался от социологии и антропологии ради экспериментальной психологии восприятия и памяти, а второй раз – ушел из академической психологии в эргономику. В этом есть свои плюсы и минусы. Переход в эргономику и специальную тематику относительно снизил планку его интересов, тогда как на пике его вхождения в психологию памяти и важной публикации 1932 года «Remembering» [13, 14] он с его признанием особой дуалистической сущности цельности, неделимости и трансцендентальности понятия «схемы» стоял в одном ряду Платон, Кант (полагавший, что «в основе наших чистых чувственных понятий лежат не образы предметов, а схемы»). Сейчас в этой последней гносеологической теме оперируют с более сложными конструкциями: невербальный интеллект, кратковременная и долговременная память, рабочая память, искусственный интеллект (да и сам термин «схема» исчез из употребления), но для своего времени Бартлетт был ведущей, экстраординарной фигурой. Звезда Спенсера, властителя дум XIX века, тогда уже заходила, и британская нация породила на смену других лидеров, в их числе человека со звучной фамилией – Бартлетт, который, по консолидированному мнению специалистов, считается предшественником когнитивной психологии и создателем экспериментальной психологии в Великобритании.

Научный вклад.

Формирование мировоззрения. Вначале были занятия логикой и антропологией. Под влиянием работ Джеймса Уарда и Чарльза Майерса Бартлетт приобщился к серьезным занятиям психологией. Однако на первых порах своих научных исследований он занимался изучением логики и антропологии (в этот период вышли две его книги по данным темам) [7, 11]. В последней области ему довелось работать под руководством известного британского специалиста Уильяма Риверса (у него он проходил аспирантуру), который, кстати, посоветовал Бартлетту основательно ознакомиться с психологией, что и было сделано. Творческий разум молодого работника нашел применение собственным оригинальным решениям, включая тему памяти.

Возникновение концепции схемы. Идея решающей роли схематических построений в процессах запоминания и воспроизведения памяти возникла не сразу. Именно конкретные эксперименты привели его к критическому восприятию доминирующих положений Эббингауза и поиску альтернативных оптимальных решений возникающих вопросов. В это время Бартлетт познакомился с идеей невролога Генри Хэда, объясняющей утерю телом положения и ориентации посредством психологической категории, названной им «схемой положения». Хэд заметил, что в некоторых случаях пациент теряет представление о текущем положении своих конечностей без утраты способности обнаружить их движение. Термин прижился в рассуждениях Бартлетта и служил в дальнейшем в построении его общей концепции. При этом он придал ему общее значение как интеграцию всего индивидуального опыта, а не только отдельную информацию о положении тела, хранящуюся в мозгу в сжатой форме. Известны также широкоохватные подходы Винера с добротной математической базой, в которых признавалось значение общетеоретических конструкций с высокой степенью абстрагирования функций реальных образцов и отхода от конкретики в деятельности высших нервных центров. Этому ученому принадлежит весьма характерная фраза: «Мы – не материальные существа, а вечно повторяющие себя самих схемы». Концепция схемы подкрепляла формирующиеся заключения Бартлетта, тем более, что у этой идеи были именитые предшественники начиная с древних времен.

Суть концепции схемы. При постановке своих опытов Бартлетт зачитывал испытуемым краткие истории с элементами нелогичности. Спустя относительно продолжительное время он просил участников эксперимента извлечь из памяти и пересказать содержание запомненного. Оказалось, что в большинстве случаев они испытывали затруднения даже после неоднократного прочтения. Это натолкнуло его на мысль, что детали представленной истории, которые не вписывались в схему их запоминания испытуемым, по прошествии времени исключались при извлечении из памяти или трансформировались в привычные для испытуемого формы. Иными словами, люди предпочитают запоминать то, что считается ими наиболее важным, а не то, что есть на самом деле. При этом экспериментатор указывал, что процесс искажения фактов начинается уже в ходе запоминания. Информация, формируемая воспоминаниями, во многом отличается от первоначальной, исходной информации. Точность воспроизведения, за редкими исключениями, не предусмотрена. Напротив, в основу воспроизведения заложена аффективная установка, в результате чего прошлое реконструируется сообразно этим опережающим императивам.

Интересно в контексте развития данной темы привести важное обстоятельство. Бартлетт специально для проведения экспериментов по изучению памяти сочинил небольшую басню, назвав ее «Война призраков [духов]». Он построил ее в виде последовательности событий, будто

бы правдоподобных и логичных, но остроумно видоизмененных в сторону нелогичности и отчасти непоследовательных. О действенности такого подхода сообщено выше.

Обычно им использовались два главных подхода: метод повторного воспроизведения и метод серийного воспроизведения. Была проведена отдельная серия опытов с предъявлением рисунков. Испытуемому автор показывал необычный рисунок и предлагал повторить его по памяти. Потом участника эксперимента просили нарисовать то же самое через несколько дней (без показа картинки). Далее сеанс осуществляли несколько раз с той же периодичностью. В итоге эксперимента выкладывали все нарисованные изображения в последовательный ряд. Было констатировано, что несходство с первоначальными вариантами все больше усиливалось с течением времени, а последний сюжет лишь отдаленно напоминал оригинальный замысел. Однако испытуемые были абсолютно уверены, что они имеют дело с исходным изображением.

Во многом успех нововведений Бартлетта обусловлен предыдущим опытом работы с мифологическими сюжетами из индейских преданий, которые предлагали оригинальную, необычную матрицу для тестируемого материала. Речь идет о воспроизведении испытуемыми содержания прочитанных незнакомых сказок неевропейского происхождения. Это вело к затруднениям испытуемых, вынужденных отступать от запоминания в полном объеме, путаться и искать выход для домысливания ответа. Отсюда напрямую следовал вывод о неточном воспроизведении услышанного, которое компенсировалось предыдущим человеческим опытом и базовыми знаниями, организованными рассудком в соответствующие схемы.

Бартлетт не был сторонником локализационизма и приурочивания сохранения памяти в определенном месте мозга, а считал ее распределенной повсюду по «схемам памяти», которые объединены между собой. При этом в детстве преобладают инстинкты, а позже – интересы и идеалы.

Есть еще значимый аргумент в пользу новаторства Бартлетта: его теоретические объяснения подкреплялись воспроизводимыми опытами, и поэтому никто не ставил под сомнение его фактические результаты. Существенно и то, что он неизменно подчеркивал избирательный и конструктивный характер как восприятия, так и памяти. Некоторые детали, особенно необычные или неожиданные, могут быть точно описаны даже в чрезвычайно сложных условиях: но во многих случаях и восприятие, и память будут всегда отличаться от объективных фактов.

Генерированная концепция схемы постепенно была усилена более множественными эмпирическими данными исследований памяти и обстоятельно рассмотрена в книге «Remembering» (1932). Можно по-разному оценивать место и значение этого известнейшего творения согласно историческим оценкам критиков, но факты говорят сами за себя. Специальная работа М.Дж. Уайта (1983) показала, что рассматриваемая книга по индексу цитирования заняла второе место в перечне исследований памяти [24].

Интеллектуальная триада Бартлетта.

В череде публикаций английского ученого особо выделяются три веховые книги, вышедшие с интервалом в 10–20 лет. Это – «Психология и примитивная культура» (1923) [11], «Запоминание» (1932), «Мышление» (1958) [17]. Их выход в свет был заметным событием в интеллектуальной жизни корпорации психологов. Среди них лучше всех историческое испытание выдержал труд «Remembering». Не зря Бартлетт был тут же принят в члены Лондонского Королевского общества, а само произведение надолго стало настольной книгой психологов.

Его композиция построена следующим образом. Весь том делится на два блока:

- Часть I. Экспериментальные исследования (главы 1–12).
- Часть II. Запоминание как исследование в социальной психологии (главы 13–29).

Теоретической базой книги служит идея концептуализации как процесс принятия языковой единицы другими людьми на основе стандартизированной, нормированной и кодифицированной формы национального языка. Весь том представляет собой собрание воедино прежних работ, включая опыты по тестированию способности к воспоминанию с использованием рисунков, фотографий и рассказов. В частности, «Запоминание» состоит из экспериментальных работ по запоминанию, визуализации и восприятию, а также «запоминанию как исследованию в социальной психологии». Его теория запоминания включает в себя социальные условия, которые оказали влияние на запоминание, а также сравнение, например, «свободного запоминания», с особыми обстоятельствами запоминания. В книге представлен и глубокий анализ теории схем Бартлетта, которая не потеряла своей значимости до сегодняшнего времени.

Вообще для трудов Бартлетта характерна социальная вписанность психологических феноменов, которая требовала ясного языка и очерченности целей. К тому же британский исследователь принимал свою собственную работу по когнитивной психологии как раздел социальной психологии.

В своей вышеупомянутой книге 1932 г. «Remembering» он дает недвусмысленное определение обсуждаемого предмета: «Я настаивал на протяжении всей дискуссии в этой книге на том, что описание воспоминаний как «фиксированных и безжизненных» есть всего лишь ошибочная фантазия. Воспоминание не является повторным возбуждением неисчислимых фиксированных фрагментарных следов. Оно есть всегда творческое воссоздание или конструирование, складывающееся из нашего отношения ко всей активной массе реакций и опыта прошлого». То есть, проще говоря, мозг – это не камера хранения забытых или сохраняемых вещей, а обучающаяся и самоорганизующаяся система, интегрирующая в себе прошлый и текущий опыт.

Книга «Thinking» (1958) уступает по центрированию и общей значимости «Remembering», хотя в ней обобщается личный исследовательский опыт и анализируются соображения по поводу антропологии, социологии и философии. Обсуждается ряд экспериментальных данных. Но все-таки произведение не содержит той пассионарности, которой пронизано «Запоминание». Анализируя вопрос конкретно, следует отметить, что Бартлетт адаптировал методы, примененные им при исследовании памяти, к анализу мыслительных процессов. В результате он пришел к выводу о том, что мыслительный процесс представляет собой завершение (путем интерполяции или экстраполяции) незавершенных ситуаций, и разрабатывал экспериментальные процедуры для систематического использования этой идеи.

Наконец, третья (не по времени выхода, а по качеству информации) книга «Психология и примитивная культура» (1923) дала ученому превосходный материал для работы в сфере практической антропологии, в том числе для создания художественного произведения «В мире призраков [духов]».

Работы прикладного характера.

Имеется в связи с именем Бартлетта такой раздел, как работы по прикладной тематике, что требует от биографов достаточной осведомленности и достоверности. Судя по публикациям 1920–1940-х годов, он проявил себя здесь компетентным, востребованным специалистом. В 1927 году вышла его книга «Психология солдата» [12], в которой была рассмотрена проблема военных неврозов и проанализированы подходы к профессиональному отбору в военной сфере. В 1934 г. им была выполнена работа «Психология шума» [16]. Ясно,

что человек с таким профессиональным опытом был привлечен в годы Второй мировой войны в качестве ведущего эксперта по приложению психологического знания к оборонным нуждам. В начале войны Бартлетт в составе Исследовательского комитета Королевских ВВС принимал участие в изучении психологических проблем, связанным с расширением воздушного флота. В это время он вместе с Кеннетом Крейком отвечал за создание отдела прикладных психологических исследований Совета медицинских исследований (APU), а после смерти Крейка стал директором этого подразделения. В итоге после войны Бартлетт был посвящен в рыцари за заслуги перед Королевскими военно-воздушными силами на основе его работы в военное время в области прикладной психологии.

Награды.

Как и следует из статуса исследователей высокого ранга, Бартлетт был удостоен почетного общественного признания. Его избрали иностранным членом Американской академии искусств и наук, Американского философского общества, почетным членом национальных психологических обществ Швеции, Испании, Италии и др., почетным доктором ряда университетов мира. Уже говорилось о его избрании членом Лондонского Королевского общества. В 1952 году за существенный вклад в науку он был награжден Королевской медалью Лондонского Королевского общества. Британское общество эргономики учредило медаль Бартлетта, а Общество экспериментальной психологии проводит ежегодную лекцию Бартлетта.

Особенности личности.

Бартлетт представляется как высокий, сильный, уравновешенный человек, с глубоким проницательным взглядом. На сравнительно немногочисленных фотографиях он выглядит скромно и непритязательно. Хороший семьянин, проживший в счастливом браке, женившись в 1920 году на коллеге по работе Эмили Мэри Смит. По выходу на пенсию значительно снизил публикационную активность, хотя продолжал участвовать в работе разных комитетов и научных собраний.

Труды.

В списке литературы приведены основные произведения автора [6, 8, 9, 10, 13–14, 15, 17 и др.]. Недостающие ссылки можно почерпнуть у его биографов и исследователей его творчества [2–5, 18–24]. На русском языке пока имеется единственная ссылка 1959 г. [1].

Литература

1. *Бартлетт Ф.* Психика человека в труде и игре. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – 144 с.
2. Бартлетт, Фредерик Чарльз – Википедия.
3. *Бревер У.Ф.* Бартлеттовская концепция схемы и ее воздействие на теорию познания. Представление знания в современной когнитивной психологии / Пер. А. Шухова [Электронный ресурс]: Концепция двух продолжений: портал. – Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/gmf/shema.htm. и еще см. также https://psychology-online.net/articles/doc-702.html.
4. *Поляков С.Э.* Когнитивные схемы Ф. Бартлетта (1938). https://psyfactor.org/lib/polyakov2.htm.
5. *Степанов Сергей* / Фредерик Бартлетт (1886–1969). https://psy.1sept.ru/article.php?ID=200701506.
6. *Bartlett F.C.* Changing scene // British Journal of Psychology. – 1956. – Vol. 47. – P. 81–87.
7. *Bartlett F.C.* Exercises in logic. – Clive, London, 1922.
8. *Bartlett F.C.* Feeling, imaging, and thinking // British Journal of Psychology. – 1925. – Vol. 16. – P. 16–28.
9. *Bartlett F.C.* Frederic Charles Bartlett / In C. Murchison (Ed.), A history of psychology in autobiography (Vol. 3, P. 39–52). – Worcester, MA: Clark University Press, 1936.
10. *Bartlett F.C.* History of psychology in autobiography. – Russell & Russell Pub., 1936.
11. *Bartlett F.C.* Psychology and Primitive Culture. – Cambridge: Cambridge University Press, 1923.
12. *Bartlett F.C.* Psychology and the Soldier. – Cambridge University Press, Cambridge, 1927.
13. *Bartlett F.C.* Remembering. – Cambridge: Cambridge University Press, 1932.

14. *Bartlett F.C.* Remembering. 2nd ed. Introduction by Walter Kintsch. – Cambridge University Press, 1995.
15. *Bartlett F.C.* Some experiments on the reproduction of folk-stories // Folklore. – 1920. – Vol. 31. – P. 30–47.
16. *Bartlett F.C.* The Problem of Noise. – Cambridge University Press, Cambridge, 1934.
17. *Bartlett F.* Thinking: An experimental and social study. – New York: Basic Books, 1958. Еще: Allen and Unwin, 1958.
18. *Benjafield J.G.* A History of Psychology. – Oxford University Press, 2015.
19. *Brewer W.F.* Schemas versus mental models in human memory / In P. Morris (Ed.), Modelling Cognition. Chichester, UK: Wiley, 1987. – P. 187–197.
20. *Broadbent D.E.* Obituary of Sir Frederic Bartlett. 1886–1969 // Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society. – 1970. – Vol. 16. – P. 1–13. https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsbm.1970.0001
21. *Harris A.D. and Zangwill O.L.* The writings of Sir Frederic Bartlett, C.B.E., F.RS: An annotated handlist // British Journal of Psychology. – 1973. – Vol. 64. – P. 493–510.
22. *Saito A. (ed.).* Bartlett: Culture and cognition. – New York: Routledge, 1999.
23. Sir Frederic Bartlett (1886–1969). An Intellectual Biography. Retrieved 8 October 2013.
24. *White M.J.* Prominent publications in cognitive psychology // Memory & Cognition. – 1983. – Vol. 11. – P. 423-427.

References

1. Bartlett F. Psikhika cheloveka v trude i igre. Moscow: Izd-vo APN RSFSR, 1959: 144 (in Russian).
2. Bartlett, Frederik Charl'z – Vikipediya (in Russian).
3. Brever UF. Bartlettovskaya kontseptsiya skhemy i yeye vozdeystviye na teoriyu poznaniya. Predstavleniye znaniya v sovremennoy kognitivnoy psikhologii. Per A Shukhova [Elektronnyy resurs]: Kontseptsiya dvukh prodolzheniy: portal. Rezhim dostupa: http://nouniv-ers.narod.ru/gmf/shema.htm i yeshche sm takzhe https://psychology-online.net/articles/doc-702.html (in Russian).
4. Polyakov SE. Kognitivnyye skhemy F. Bartletta (1938). https://psyfactor.org/lib/polyakov2.htm (in Russian).
5. Stepanov Sergey. Frederik Bartlett (1886–1969). https://psy.1sept.ru/article.php?ID= 200701506 (in Russian).
6. Bartlett FC. Changing scene. British Journal of Psychology 1956; 47:81–87.
7. Bartlett FC. Exercises in logic:ive, London, 1922.
8. Bartlett FC. Feeling, imaging, and thinking. British Journal of Psychology 1925; 16:16–28.
9. Bartlett FC. Frederic Charles Bartlett. In C Murchison (Ed), A history of psychology in autobiography (Vol 3, P 39–52). Worcester, MA: Clark University Press, 1936.
10. Bartlett FC. History of psychology in autobiography. Russell & Russell Pub, 1936.
11. Bartlett FC. Psychology and Primitive Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1923.
12. Bartlett FC. Psychology and the Soldier. Cambridge University Press, Cambridge, 1927.
13. Bartlett FC. Remembering. Cambridge: Cambridge University Press, 1932.
14. Bartlett FC. Remembering. 2nd ed. Introduction by Walter Kintsch. Cambridge University Press, 1995.
15. Bartlett FC. Some experiments on the reproduction of folk-stories. Folklore 1920; 31:30–47.
16. Bartlett FC. The Problem of Noise. Cambridge University Press, Cambridge, 1934.
17. Bartlett FC. Thinking: An experimental and social study. New York: Basic Books, 1958. Еще: Allen and Unwin, 1958.
18. Benjafield JG. A History of Psychology. Oxford University Press, 2015.
19. Brewer WF. Schemas versus mental models in human memory. In P Morris (Ed), Modelling Cognition. Chichester, UK: Wiley, 1987:187–197.
20. Broadbent DE. Obituary of Sir Frederic Bartlett. 1886–1969. Biographical Memoirs of Fellows of the Royal Society 1970; 16:1–13. https://royalsocietypublishing.org/doi/pdf/10.1098/rsbm.1970.0001
21. Harris AD and Zangwill OL. The writings of Sir Frederic Bartlett, CBE, FRS: An annotated handlist. British Journal of Psychology 1973; 64:493–510.
22. Saito A (ed.). Bartlett: Culture and cognition. New York: Routledge, 1999.
23. Sir Frederic Bartlett (1886–1969). An Intellectual Biography. Retrieved 8 October 2013.
24. White MJ. Prominent publications in cognitive psychology. Memory & Cognition 1983; 11:423-427.

TO THE ANALYSIS OF THE WORK OF THE ENGLISH PSYCHOLOGIST FREDERICK BARTLETT

V.S. VOROBYEV, T.B. MALYKH

FGBNU Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow

The article analyzes the work of the outstanding English psychologist Frederick Bartlett (1886-1969). His life path is traced, the formation of his scientific interests is considered, with a focus on his contribution to the study of memory problems. A detailed analysis of his crucial works is carried out.

Keywords: history of psychology, English school, Frederick Bartlett.

Address:
Vorobyev V.S., Ph.D.
Researcher of Psychological Institute of RAE
E-mail: vorob_vs@mail.ru

ЮБИЛЕЙНЫЕ И ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ 2021 ГОДА*

СОБЫТИЯ

1886 – Эббингауз Г. открыл психологическую лабораторию в Берлинском университете.

1891 – Кеттел открыл психологическую лабораторию в Колумбийском университете.

1891 – создание русского общества экспериментальной психологии при Санкт-Петербургском университете.

1896 – публикация В. Вундтом книги «Очерк психологии».

1896 – основание В.М. Бехтеревым в Санкт-Петербурге журнала «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии».

1896 – основание в Киеве И.А. Сикорским журнала «Вопросы нервно-психической медицины».

1896 – выход в свет «Очерков психологии» Э.Б. Титченера, одного из основателей экспериментальной психологии (структурализм) в США.

1901 – В.М. Бехтерев основал Русское общество нормальной и патологической психологии и стал его первым президентом.

1901 – основание Британского психологического общества (первый президент – Чарльз Майерс).

1901 – создание Французского психологического общества (первый президент – Пьер Жане).

1906 – проведение в Санкт-Петербурге Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии (Третий съезд состоялся в 1916 г.).

1911 – появление книги В.М. Бехтерева «Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение».

1911 – публикация работы В.М. Бехтерева «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки».

1911 – выход в свет книги И.А. Сикорского «Душа ребенка с кратким описанием души животного и души взрослого человека» (Киев).

1916 – выход в свет «Практикума по экспериментальной психологии» под редакцией Г.И. Челпанова.

1926 – публикация Ж. Пиаже книги «Представление ребенка о мире».

1926 – создание Психоаналитического общества в Париже.

1931 – издание книги И.А. Сикорского «Книга жизни: психологическая христоматия для школы и жизни». США, Southbury. Издательство «Алатас» (первая публикация в 1898 г., Киев). Переиздана в Российской Федерации (2012).

1936 – издание Британским союзом практических психологов журнала «The Practical Psychology Magazine».

1946 – основание кафедры психологии в Оксфордском университете.

1966 – проведение XVIII Международного психологического конгресса (Москва, 4–11 августа 1966 г.).

1971 – основание Института психологии АН СССР.

ПЕРСОНАЛИИ

220 лет со дня рождения Иоганнеса Мюллера (1801–1858), немецкого физиолога, автора закона специфической энергии органов чувств.

220 лет со дня рождения Густава Теодора Фехнера (1801–1887), немецкого физика, философа и психолога, основателя психофизики, соавтора закона Вебера – Фехнера.

* Материал подготовлен В.С. Воробьевым

200 лет со дня рождения Германа Людвига Фердинанда Гельмгольца (1821–1894), великого германского ученого, прославившего себя открытиями в области физики, оптики, акустики, физиологии, медицины, психологии и других отраслях. Иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1868). Был учеником Иоганнеса Мюллера.

180 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти (1841–1931) Гюстава Лебона, французского психолога, социолога, антрополога и историка, одного из создателей представления о психологии толпы. Автор книги «Психология народов и масс».

165 лет со дня рождения Зигмунда Фрейда (1856–1939), австрийского психолога, психиатра и невролога. Основатель психоанализа.

165 лет со дня рождения и 95 лет со дня смерти Эмиля Крепелина (1856–1926), немецкого психиатра, ученика В. Вундта. Основоположник современной нозологической концепции в психиатрии и классификации психических заболеваний.

160 лет со дня рождения Джеймса Марка Болдуина (1861–1934), американского психолога, философа, социолога.

140 лет со дня рождения Анри Пьерона (1881–1964), французского психолога, одного из основоположников экспериментальной и физиологической психологии в этой стране. Создатель Парижского института психологии (1921). Автор книг «Инструменты экспериментальной психологии» (1904), «Психологические проблемы сна» (1913), «Мозг и мышление» (1923).

140 лет со дня рождения и 55 лет со дня смерти Людвига Бинсвангера (1881–1966), швейцарского психиатра и основателя экзистенциальной психологии.

135 лет со дня рождения Фредерика Бартлетта (1886–1969), английского психолога, специалиста в области экспериментальной, когнитивной и социальной психологии, а также эргономики. Создатель теории влияния социальных факторов на память человека и оригинального взгляда на активную сущность запоминания и воспроизведения. Автор широко известной книги «Remembering: A Study of Experimental and Social Psychology» (1932). Многолетний (24 года) редактор British Journal of Psychology. Член Лондонского Королевского общества. Считается основателем психологии в Великобритании (вместе с Ч. Майерсом).

135 лет со дня рождения и 80 лет со дня смерти Курта Коффки (1886–1941), немецкого психолога, одного из основателей гештальтпсихологии (вместе с Вольфгангом Келером и Максом Вертгеймером).

135 лет со дня рождения Эдвина Боринга (1886–1968), американского историка психологии. Автор книги «История экспериментальной психологии» (1929). Ему принадлежит иллюзионный рисунок («рисунок Боринга»), изображающий одновременно молодую и старую женщину.

125 лет со дня рождения Жана Пиаже (1896–1980), швейцарского психолога и философа. Известен работами по изучению психологии детей, создатель теории когнитивного развития, в том числе операциональной концепции интеллекта.

125 лет со дня рождения Л.С. Выготского, отечественного психолога.

125 лет со дня рождения Б.М. Теплова, отечественного психолога.

125 лет со дня рождения и 55 лет со дня смерти Н.А. Бернштейна (1896–1966), отечественного психофизиолога.

125 лет со дня рождения С.Г. Геллерштейна (1896–1987), отечественного психолога и психофизиолога труда.

1. Предметная область и структура журнала. Журнал «Теоретическая и экспериментальная психология» публикует оригинальные теоретические и экспериментальные работы в области общей, возрастной и педагогической психологии, дифференциальной психологии, психологии личности, истории психологии, психофизиологии, психологии труда, инженерной психологии, клинической психологии, социальной и организационной психологии, юридической психологии и коррекционной психологии.

Журнал включает в себя следующие разделы: теоретические и методологические проблемы психологии; оригинальные статьи; обзоры; методы; краткие сообщения; страницы истории; хроника; информация.

2. Требования к структуре статьи.

2.1. Название работы на русском языке.

2.2. Фамилия и инициалы автора.

2.3. Название города и организации, где выполнена работа. (Если несколько авторов, то принадлежность авторов к той или иной организации указывается надстрочными арабскими цифрами).

2.4. Резюме объемом около 100 слов на русском языке, отражающее основное содержание работы.

2.5. Список ключевых слов (на русском языке, не более 10).

2.6. Основной текст.

Экспериментальные статьи должны иметь следующую структуру: «Введение», «Методы исследования», «Результаты исследования», «Обсуждение», «Заключение» или «Выводы», «Литература».

Краткие сообщения: «Введение», «Методы исследования», «Результаты исследования и обсуждение», «Выводы».

Структура теоретических статей и обзоров обусловлена логикой изложения материала и оформляется в произвольном виде.

2.7. Сведения об авторе (фамилия, имя и отчество, специальность, ученая степень, звание, место работы и занимаемая должность, координаты для связи (почтовый адрес с индексом, телефон, e-mail).

3. Требования к оформлению рукописи статьи. Содержащийся в файле текст должен быть оформлен в редакторе Microsoft Word 97 и выше. Формат страницы – А4. Все поля – по 20 мм. Тип шрифта – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см. Рисунки и графики допускаются только черно-белые и включаются в текст, а также предоставляются в виде отдельного графического файла. Все формулы и буквенные обозначения используемых в формулах величин набираются в редакторе формул Microsoft Equation (номер формулы у правого края в круглых скобках), используемые в формулах обозначения описываются в строку подряд.

Изложение статьи должно быть ясным, сжатым, без повторения и дублирования в тексте данных таблиц и рисунков. Все буквенные обозначения и аббревиатуры должны быть в тексте развернуты. Сокращение слов, имен, названий (кроме общепринятых сокращений мер, физических и математических величин и терминов) не допускается.

Рисунки, диаграммы, графики, фотографии прилагаются на отдельных листах и в отдельном файле (в форматах jpg или tif). В тексте статьи должно быть обозначено, где вставляется рисунок.

Таблицы помещаются по ходу текста или прилагаются отдельно. Таблицы должны быть наглядными и компактными. Все таблицы нумеруются арабскими цифрами и снабжаются заголовками. Название таблицы и заголовки должны точно соответствовать их содержанию. Количество иллюстративного материала (таблиц, рисунков, диаграмм, графиков, фотографий) должно быть минимальным (как правило, не более 4–5).

4. Требования к цитированию литературы. Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник дается в виде порядкового номера (в квадратных скобках) цитируемого источника.

5. Объем рукописи. Теоретические статьи и обзоры – не более 24 стр. (в среднем 40000 знаков); оригинальные статьи – до 14 стр. (22000 знаков); краткие сообщения – не более 8 стр. (14000 знаков).

6. *Принятые к публикации рукописи* проходят рецензирование ведущими специалистами в соответствующих областях науки,

после чего принимается окончательное решение о публикации рукописи. Отклоненные рукописи не возвращаются.

7. Не допускается публикация работ, уже напечатанных или направленных в редакции других журналов.

8. Редакция оставляет за собой право сокращать объем присылаемых материалов, проводить необходимую научную и литературную редакцию.

9. Рукописи статей и другие материалы представляются в редакцию на бумажном носителе (1 экз.) и в электронном виде (по электронной почте или на компакт-диске).

Для ускорения обработки материалов редакцией принимаются подготовленные к публикации материалы по электронной почте в адрес редакции (e-mail: malykhsb@mail.ru).

10. Рукописи отправлять в редколлегию журнала Малых Сергею Борисовичу по адресу: 125009 Москва, ул. Моховая, 9, стр. 4, ФГБНУ «Психологический институт» РАО. Тел./факс: +7 (495) 695-81-28. E-mail: malykhsb@mail.ru.

11. Сайт журнала: www.tepjournal.ru

Подписной индекс по каталогу ОАО «Роспечать» – 36767

Департаментом аттестации научных и научно-педагогических работников Минобрнауки России журнал «Теоретическая и экспериментальная психология» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 08.04.2021 г.) (https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=19&name=91107547002&f=7940).

Подписано к печати 29.03.2021.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печ. л. 4,0. Тираж 500 экз. Заказ № ...

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, С-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
Тел./факс: (812) 622-01-23
E-mail: 6220123@mail.ru